

**Непреложная
клятва**

Моргана Редж

18+

Моргана Редж

Непреложная клятва

<https://litres.ru/74647154>

SelfPub; 2026

Аннотация

В моем мире оборотни - часть общества. Три года назад оборотень спас мою жизнь, предложил кров и себя. Мы дали друг другу клятву, которую нельзя нарушить. Для оборотней такая клятва превышает истинности. И связь на всю жизнь.

Но в один день наша связь, наша клятва, грозит обернуться настоящей катастрофой. Имя этой катастрофы - Азар. И он младший брат моего Влада.

Я чувствую то, что чувствовать не должна... ведь получается, что Азар - мой истинный?

- Авторский мир
- Эмоционально и немного стекла (без жести)
- Два оборотня претендуют на одну женщину
- Истинная связь
- ХЭ (но с кем?)

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	10
Глава 3.	17
Глава 4.	22
Глава 5.	28
Глава 6.	34
Глава 7.	40
Глава 8.	47
Глава 9.	54
Глава 10.	62
Глава 11.	67
Глава 12.	72
Глава 13.	79
Глава 14.	84
Глава 15.	90
Глава 16.	95
Глава 17.	101
Глава 18.	109
Глава 19.	114
Глава 20.	120
Глава 21.	126
Глава 22.	133
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Непреложная клятва

Глава 1.

Ксена

Запах кофе смешивается с запахом Влада.

Это первый запах, который я чувствую, открывая глаза. Не самого кофе — я еще не вижу чашки, я только слышу, как на кухне льется вода и позвякивает турка. Я чувствую его. Терпкий, лесной, с оттенком дыма и чего-то дикого, что не вытравить никаким мылом. Оборотни пахнут сильнее людей. Влад говорит, это потому, что зверь внутри всегда немного наружу.

Я тянусь к тумбочке за телефоном. Половина седьмого. Он встал раньше меня, хотя лег за полночь — возвращался с каких-то своих встреч, от него пахло чужими людьми и холодом ноябрьского леса. Сейчас этот запах выветрился, остался только он сам.

Наши кровати рядом. У Влада своя половина, у меня — своя. Смешно? Наверное. Мы спим вместе, занимаемся любовью, но спим — раздельно. Он говорит: «Зверь ворочается, я могу задеть тебя во сне». Я не спору. Сначала спорила, в первые месяцы после клятвы. Хотелось прижиматься, чувствовать тепло всю ночь. Теперь привыкла.

Я накидываю халат и иду на запах кофе.

Наш дом — старый, бревенчатый, но внутри обустроенный по-городскому. Влад купил его лет пять назад, когда ушел из стаи. Точнее, не совсем ушел — он говорит, оборотни никогда не уходят полностью, мы просто связаны кровью. Но живем мы отдельно, на краю поселка, и лес подступает к самому забору.

Влад стоит у плиты. Широкие плечи, футболка обтягивает спину, босые ноги на холодном полу. Он поворачивается, и я в сотый раз ловлю себя на мысли, что не могу прочесть его лицо до конца. Люди думают, что оборотни — это про клыки и шерсть. Нет. Это про глаза. В них всегда есть что-то такое... древнее. Даже когда Влад улыбается, в глубине его зрачков будто тлеют угли.

— Проснулась, — он ставит передо мной чашку. Не спрашивает, как я спала. Не целует в лоб. Просто констатирует факт.

— Проснулась, — киваю я, обхватывая пальцами горячий фарфор.

Мы завтракаем молча. Я ем сырники, которые купила вчера в магазине, он — почти килограмм мяса, не слишком прожаренного. Соки мяса стекают по тарелке, и я стараюсь не смотреть. За три года привыкнуть к этому невозможно. Только перестаешь замечать.

Три года. Ровно столько мы связаны клятвой.

— Вечером уеду, — говорит Влад, вытирая губы салфеткой. — На неделю, может, чуть больше. Дела в городе.

Я киваю. Он часто уезжает. Стая, бизнес, старые долги — я давно не спрашиваю, куда и зачем. Он все равно не ответит полностью. Скажет: «Не лезь, Ксена. Это мой мир».

— Хорошо, — отвечаю я. — Мне на работу к девяти.

Он смотрит на меня. Долго, пристально. Я знаю этот взгляд — он пытается прочесть меня. Обратни могут чувствовать эмоции на расстоянии, видеть мысли, если человек не ставит блоки. Влад говорил, у меня с этим сложно. Не то что бы я специально ставлю барьеры — просто они у меня от природы сильные. Он злился поначалу, потом привык. Как и я привыкла к его запаху и его молчанию.

— Ты какая-то сегодня... — он не заканчивает фразу.

— Устала. Плохо спала.

Это неправда. Я спала хорошо, без снов. Но внутри с утра поселилось странное чувство. Будто воздух стал плотнее. Будто что-то надвигается.

Обратни чувят опасность за версту. Люди — нет. Но я научилась доверять своей коже. Сейчас она покалывает, как перед грозой.

— Будь осторожна, — говорит Влад, вставая из-за стола. Он подходит ко мне, наклоняется, и я чувствую его губы на своей макушке. Коротко. Почти ритуально.

— Я всегда осторожна.

Он уходит в душ, а я остаюсь допивать кофе. За окном начинает светать, и лес за забором проступает из темноты черными силуэтами сосен.

Мы познакомились, когда я убегала от оборотней.

Это звучит как начало плохого фильма ужасов, но это правда. Я тогда работала в небольшом городке, вела расследование для газеты. Наткнулась на стаю, которая держала в страхе целый район. Они не были похожи на Влада — дикие, злые, почти потерявшие человеческое. Они загнали меня в лес, и я уже прощалась с жизнью, когда появился он.

Влад убил двоих. Остальных прогнал. А потом посмотрел на меня и сказал: «Я спас тебя. Теперь ты моя».

Не в том смысле, в каком можно подумать. Он не трогал меня тогда. Он предложил сделку. Клятву. Вечную связь, которая защитит меня от любых оборотней, потому что я буду принадлежать ему. Взамен — жизнь с ним.

Я согласилась. Мне некуда было идти, и я думала... глупая, наивная... я думала, что это будет любовь.

Любви нет. Есть ровное тепло, забота, безопасность. Влад не жесток. Он заботится, обеспечивает, он нежен в постели. Но я никогда не слышала от него слов, которые ждет сердце. И сама не говорю. Потому что внутри, в самом темном углу души, я знаю: это не то. Это не та любовь, о которой пишут книги.

Но клятва есть клятва.

Я встаю, мою чашку и иду собираться на работу. Влад уже оделся — темные джинсы, свитер грубой вязки, куртка из кожи. Он подхватывает сумку, на секунду задерживается в дверях.

— Ксена.

— М?

— Если что — звони. Я услышу.

Он улыбается уголками губ, и в этой улыбке вдруг про-
скальзывает что-то настоящее, теплое. На секунду мне ка-
жется, что я вижу того мужчину, который мог бы... мог бы
стать...

Дверь закрывается. Я остаюсь одна в тишине дома, где
пахнет лесом и кофе.

Чувство тревоги не проходит. Наоборот, усиливается, ко-
гда я выглядываю в окно и вижу, как Влад садится в машину
и уезжает по грунтовой дороге в сторону трассы.

Я тру виски. Наверное, просто давление. Наверное, про-
сто осень.

Я не знаю, что уже через несколько часов в наш дом вой-
дет тот, кто перевернет все. Что клятва, которая казалась
просто словами, станет цепью, рвущей душу в клочья.

Я просто иду в душ, одеваюсь и еду на работу в поселок,
где все знают, что я — женщина оборотня, и обходят меня
стороной.

Так проходит утро последнего спокойного дня в моей
жизни.

**Добро пожаловать в историю, которая очень важна
для меня.**

**Добавляйте в библиотеку, ставьте лайки и пишите
комментарии.**

Люблю.

Глава 2.

Ксена

Рабочий день тянется бесконечно.

Я сижу в своем маленьком кабинете в администрации поселка, перебираю бумаги, отвечаю на звонки, но мысли постоянно утекают куда-то в сторону. За окном хмурое небо, ветер треплет последние листья на березах, и мне все время кажется, что за стеклом мелькает чья-то тень.

Глупости. Это просто нервы.

К вечеру тревога отпускает. Я убеждаю себя, что сама себе придумала проблему на пустом месте. Влад уехал, дом пустой, лес шумит — вот и кажется всякое. Я даже смеюсь над собой, когда собираю сумку и выхожу с работы. Обратники чувят опасность, а люди — просто боятся темноты.

В поселке зажигаются фонари. Я прохожу мимо магазина, киваю соседке, которая быстро отводит глаза. Она знает, чья я. Здесь все знают. Женщина Влада — это не просто статус, это диагноз. Со мной общаются вежливо, но на расстоянии. Боятся, что оборотень что-то заподозрит, если кто-то посмотрит на меня слишком долго.

Глупо. Влад не собственник в том смысле, в каком об этом думают люди. Он просто... другой. Его ревность — не человеческая, а звериная. Она проявляется иначе. Тихим рычанием, когда кто-то приближается слишком близко. Долгим

взглядом, от которого мурашки по коже. И тем, как он молча встает между мной и чужим, даже если этот чужой — просто почтальон.

Дома я первым делом зажигаю везде свет. Глупо, но я не люблю оставаться здесь одна в темноте. Дом слишком большой для одного человека. Три спальни, огромная гостиная, кухня, веранда. Влад говорил, что строил для семьи. Для стаи, которая могла бы прийти. Но никто не приходит. Мы живем вдвоем в этом пространстве, и иногда по вечерам мне кажется, что стены дышат.

Я разогреваю ужин, ем перед телевизором, просто чтобы слышать голоса. Потом долго стою под душем, пытаюсь смыть липкое чувство одиночества. Когда ложусь в кровать, часы показывают одиннадцать. За окном воет ветер, и мне кажется, что в этом вое есть что-то живое.

Засыпаю тяжело, ворочаюсь, сбиваю одеяло. Сквозь сон слышу, как хлопает калитка. Потом шаги на крыльце.

Я сажусь в кровати, сердце колотится где-то в горле. В голове проносятся мысли о диких оборотнях, о тех, кто мог прийти мстить Владу, о том, что я одна и...

Дверь открывается.

В коридоре загорается свет, и я вижу его. Влад. Стоит на пороге, стряхивает капли дождя с куртки, и смотрит на меня с этим своим непроницаемым выражением.

— Ты не спишь? — спрашивает он буднично, будто вернулся с прогулки, а не с трассы в двух часах езды отсюда.

— Влад? Что случилось?

Он проходит в комнату, садится на край моей кровати. От него пахнет мокрой шерстью, бензином и лесом. Свежим, настоящим лесом, не тем, что за окном.

— Ничего не случилось. — Он проводит рукой по лицу, и я замечаю, как он устал. — Развернулся на середине дороги.

— Почему?

Влад молчит. Смотрит на меня, и в его глазах я вижу что-то, чего не было утром. Беспокойство? Нежность? Я не умею читать оборотней, но это читается без слов.

— Непокойно в лесу, — говорит он наконец. Голос низкий, чуть хриплый. — Весь день чуял. Думал, отпустит, когда отъеду. Нет. Только хуже. Решил, что не оставлю тебя одну.

У меня внутри что-то сжимается. Тепло. Глупое, женское, запретное тепло от того, что он вернулся. Что подумал обо мне. Что выбрал меня, хотя дела наверняка важные.

— Я бы справилась, — говорю я, но это звучит неубедительно даже для меня.

— Знаю. — Он тянется и убирает прядь волос с моего лица. Пальцы холодные, но прикосновение нежное, почти невесомое. — Но зачем тебе справляться одной, если я могу быть здесь?

Я смотрю на него и вдруг вижу не того Влада, который сухо целует в макушку и уходит по делам. А того, каким он был в первые месяцы после клятвы. Когда я еще боялась его,

а он старался быть мягче. Когда между нами еще не стало этой привычной дистанции в полметра.

— Ты голодный? — спрашиваю я, потому что не знаю, что еще сказать.

— Нет. — Он усмехается. — Просто устал с дороги. Можно я лягу с тобой?

Это звучит странно. Мы занимаемся сексом, мы спим в одной комнате, но на разных кроватях. Он никогда не просится ко мне. И сейчас просит, как мальчишка, как будто мы только встретились и он боится отказа.

— Ложись, — шепчу я.

Он быстро сбрасывает куртку, стягивает джинсы и забирается под одеяло. Я чувствую его тело рядом — горячее, сильное, пахнущее дождем. Он обнимает меня, притягивает к себе, и я утыкаюсь носом в его шею. Зверь внутри него молчит. Только ровное дыхание и биение сердца.

— Прости, — шепчет он куда-то в мои волосы.

— За что?

— Что редко бываю таким.

Я молчу. Потому что не знаю, что ответить. Правда слишком сложная. Она в том, что я хочу, чтобы он был таким всегда. Чтобы нежность не кончалась с рассветом. Чтобы просыпаться в его объятиях, а не на своей половине комнаты.

Но у оборотней свои законы. И у нашей клятвы — тоже.

— Расскажи, что случилось на самом деле, — прошу я.

Влад вздыхает. Я чувствую, как вибрирует его грудь.

— Чую чужого. Давно уже. Следы по лесу, запахи. Кто-то пришел на нашу территорию. Я думал, уеду, а ты здесь одна...
— Он сжимает меня крепче. — Не мог. Зверь не пускал. Ревел, рвался обратно. Пришлось развернуться.

— Кто это может быть?

— Не знаю. — Голос Влада становится жестче. — Но узнаю. Завтра пойду проверю. А сегодня... сегодня просто побуду с тобой.

Я закрываю глаза. Тревога, которая мучила весь день, отступает. В его руках безопасно. Даже если в лесу бродит кто-то чужой. Даже если завтра он уйдет и оставит меня одну. Сейчас — он здесь.

— Влад? — зову я почти шепотом.

— М?

— Спасибо, что вернулся.

Он не отвечает. Только целует меня в висок, долго, невестомо. И я засыпаю под шум дождя и ровное дыхание оборотня, который сегодня выбрал меня.

Утром я просыпаюсь первая. Влад спит, раскинув руки, и во сне он кажется моложе. Без этого вечного напряжения в челюсти, без прищура, за которым прячутся тайны. Я рассматриваю его лицо, которое знаю три года, и вдруг понимаю, что почти ничего о нем не знаю.

Кто он был до меня? Почему ушел из стаи? Что за дела в городе, из-за которых он пропадает неделями? Он никогда не рассказывает, а я перестала спрашивать. Боялась по-

казаться навязчивой. Боялась, что закроется еще сильнее.

Но сейчас, глядя на него спящего, я чувствую, как внутри поднимается что-то горячее и болезненное. Любовь? Не знаю. Может быть, просто привязанность, выросшая за три года совместной жизни.

Осторожно, чтобы не разбудить, я выбираюсь из кровати и иду на кухню. Ставлю кофе, режу хлеб для тостов, достаю яйца. Хочу сделать ему завтрак. Настоящий, домашний, такой, как делают жены своим мужьям.

Я думаю об этом слове — «жена». Мы не женаты. Клятва — это не брак, это нечто большее и меньшее одновременно. Она связывает сильнее любой печати в загсе, но не дает того, что дают штампы. Права называть его своим. Права ревновать. Права требовать.

Только ждать.

Я так углубляюсь в свои мысли, что не слышу шагов. Влад появляется на пороге кухни неслышно, как всегда. Обрат-ни умеют двигаться бесшумно. Подходит сзади, обнимает за талию, утыкается носом в макушку.

— Вкусно пахнет, — хрипит спросонья.

— Садись, сейчас будет готово.

— Не хочу есть. Хочу тебя.

Я замираю. Три года мы вместе, но он редко говорит такие вещи прямо. Предпочитает действия. А сейчас говорит, и голос у него низкий, с рычащими нотками, от которых по спине бегут мурашки.

Я поворачиваюсь в его руках. Влад смотрит сверху вниз, и в его глазах — тот самый зверь, которого я научилась не бояться. Но сегодня зверь не пугает. Сегодня он манит.

— Завтрак подождет, — шепчу я.

Он подхватывает меня на руки и несет обратно в спальню. И я в который раз думаю, что, может быть, это и есть счастье. Простое, ровное, без обещаний и клятв. Может быть, я зря ищу то, чего не существует.

А потом его руки и губы заставляют меня забыть обо всем. И до обеда мы не выходим из комнаты.

После, когда мы валяемся в постели, Влад гладит мои волосы и говорит:

— Сегодня схожу в лес. Проверю, кто там бродит. Ты сиди дома, никуда не выходи.

— А если это просто заблудившийся турист?

— Туристы не пахнут волками, Ксена. — Он усмехается, но глаза серьезны. — Там оборотень. Чужой. И мне нужно знать, зачем он пришел.

Холодок пробегает по спине. Я киваю, хотя внутри снова поднимается тревога.

— Будь осторожен.

— Я всегда осторожен. — Он целует меня в плечо. — Кроме тех случаев, когда дело касается тебя.

Он уходит после обеда. Я смотрю в окно, как его фигура растворяется в лесу, и молюсь всем богам, которых знаю, чтобы он вернулся.

Глава 3.

Ксена

Вечер накрывает лес раньше обычного.

Я сижу в гостиной с книгой, но не читаю. Строчки плывут перед глазами, и я ловлю себя на том, что прислушиваюсь к каждому шороху за окном. Влад ушел в лес пять часов назад. Солнце село, зажглись фонари на столбах, а его все нет.

Я запрещаю себе звонить. Обратни не любят, когда их отвлекают на охоте. Да и что я скажу? «Ты где? Я волнуюсь?» Глупо. Он взрослый мужчина, альфа, хоть и живет отдельно от стаи. Он справится.

Но внутри сидит липкий страх. Тот самый, который грыз меня все утро, пока мы лежали в постели. Теперь я понимаю, что это было предчувствие. Не опасности для меня — чего-то другого. Перемен.

В доме тихо. Только холодильник гудит на кухне да ветер царапает ветками по стене. Я включаю телевизор для фона, но звук раздражает, выключаю. Хожу из комнаты в комнату, трогаю вещи Влада — его ветровку на вешалке, его книгу на тумбочке, его кружку, из которой он пил кофе.

Глупо. По-детски глупо.

Время тянется, как резиновое. Я смотрю на часы каждые пять минут, и каждый раз оказывается, что прошло всего ничего. Половина десятого. Десять. Без четверти одиннадцать.

Когда за окном раздаются шаги, я подскакиваю на диване. Шаги тяжелые, уверенные, но их двое. Я слышу два голоса — низкий, Влада, и второй, незнакомый. Чуть выше, моложе, с хрипотцой.

Я поправляю волосы, одергиваю свитер и иду к двери. Сердце колотится где-то в горле. Глупо, это просто гость. Влад же говорил про чужого оборотня. Наверное, нашел и привел. Наверное, это безопасно.

Дверь открывается, и я вижу их.

Влад входит первым — уставший, но спокойный. Волосы мокрые от ночной сырости, на куртке темные пятна. Не кровь, просто вода. Он смотрит на меня, и в глазах мелькает что-то странное. Настороженность? Предупреждение? Я не успеваю понять.

А потом я вижу того, кто за ним.

Он выше Влада. Чуть шире в плечах, но не худой — под свитером угадываются мышцы, гибкие, опасные. Темные волосы взлохмачены, падают на лоб, и он откидывает их привычным движением. Лицо острое, с четкими скулами и тяжелой челюстью. Глаза светлые — серые или голубые, вот так сразу не понять, — и они смотрят прямо на меня.

Смотрят так, что я перестаю дышать.

— Ксена, это мой брат, — говорит Влад, и голос его звучит откуда-то издалека. — Азар. Приехал погостить.

Брат. У Влада есть брат. Он никогда не говорил.

— Здравствуй, Ксена.

Голос у него низкий, обволакивающий, с той самой хрипотцой, которую я слышала через дверь. Он улыбается, но улыбка не касается глаз. Те продолжают сверлить меня, и от этого взгляда хочется спрятаться за спину Влада, уткнуться лицом в его куртку и не высовываться.

— Здравствуйте, — отвечаю я, и мой голос звучит чужим. Тихим, испуганным.

Азар делает шаг вперед, переступая порог. И в этот момент воздух вокруг меня будто сгущается. Я чувствую его запах — не такой, как у Влада. Острее, прянее, с нотками сосновой смолы и чего-то горьковатого, от чего щиплет в носу.

И еще. Странное тепло разливается под кожей. Сначала в груди, потом спускается ниже, к животу. Мне становится жарко, хотя в прихожей прохладно.

Я отступаю на шаг.

— Проходите, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал нормально. — Вы, наверное, голодные. Я могу разогреть ужин.

— Я сам, — Влад сбрасывает куртку и вешает ее на крючок. — Посидите пока.

Он уходит на кухню, и я остаюсь в прихожей одна с Азаром. Он все еще смотрит на меня. Не раздеваясь, не двигаясь, просто стоит и смотрит. Как будто изучает. Как будто видит насквозь.

— Вы давно вместе? — спрашивает он.

— Три года, — отвечаю я и тут же жалею об этом. Зачем

я сказала? Это не его дело.

— Три года, — повторяет он, и в его голосе мне чудится насмешка. — И никаких детей?

Я вспыхиваю. Вопрос слишком личный, слишком грубый для первого разговора. Но Азар смотрит без вызова, скорее с любопытством. Как ученый на подопытную.

— Это сложно, — отвечаю я сухо. — У неистинных пар дети рождаются редко.

— А, да. — Он кивает, будто вспоминает что-то очевидное. — Клятва. Влад мне рассказывал.

Мне становится не по себе. Влад рассказывал брату про нас? Про нашу клятву? Я не знала, что он вообще с кем-то общается на эту тему.

— Проходите в гостиную, — я показываю рукой, стараясь сменить тему. — Я пока накрою на стол.

— Помочь?

— Нет, спасибо.

Я почти бегу на кухню, лишь бы скрыться от этого взгляда. Влад стоит у плиты, переворачивает куски мяса на сковороде. От запаха жареного мяса слегка подташнивает, но я привыкла.

— Почему ты не сказал, что у тебя есть брат? — спрашиваю я шепотом, берясь за тарелки.

— Не видел его пять лет, — отвечает Влад спокойно. — Он был в другой стае, на севере. Вернулся недавно. Я сам удивился, когда наткнулся на него в лесу.

— Он останется?

— На пару дней. Пока не найдет жилье.

Я киваю, хотя внутри все сжимается. Пара дней. Я выдержу. Это же просто брат Влада. Ничего страшного.

Мы накрываем в гостиной. Я расставляю тарелки, раскладываю приборы, а краем глаза все время слежу за Азаром. Он сидит в кресле, откинувшись на спинку, и наблюдает. Не за Владом — за мной. Каждое мое движение.

— Ты местная? — спрашивает он, когда я ставлю перед ним тарелку.

— Нет. Из города.

— И как тебе здесь? Не скучно?

— Нормально.

— Работашь?

— В администрации.

— Нравится?

Я поднимаю глаза и встречаю его взгляд. Вблизи глаза оказываются серыми, почти стальными, с темными крапинками. И в них плещется что-то такое... древнее. Как у Влада, только сильнее. Ярче. Опаснее.

Глава 4.

Ксена

— Нравится, — отвечаю я твердо и отворачиваюсь.

Влад вносит мясо. Огромное блюдо с кусками, прожаренными так, как любят оборотни — с кровью. Соки стекают на белый фарфор, и я сглатываю, борясь с тошнотой.

— Ешь, — говорит Влад, садясь рядом со мной. Близко, почти вплотную. Я чувствую его тепло и немного расслабляюсь.

Азар берет мясо руками. Я замечаю, какие у него пальцы — длинные, с аккуратными ногтями, но сильные. Он отрывает кусок зубами, жует, и я почему-то не могу отвести взгляд от его губ. На секунду мне кажется, что он улыбается, жуя. Словно знает что-то, чего не знаю я.

— Влад говорил, у тебя сильный ментальный блок, — говорит он, проглотив. — Редкость для человека.

— Наверное, — отвечаю я, глядя в свою тарелку. Я наложила себе салат, но кусок в горло не лезет.

— И что ты чувствуешь, когда мы рядом? Оборотни?

— Запах, — говорю я. — И иногда... напряжение.

— А сейчас? Чувствуешь напряжение?

Я поднимаю глаза. Он смотрит пристально, и в этом взгляде нет ничего невинного. Это проверка. Он что-то проверяет.

— Немного, — отвечаю я осторожно. — Вы чужой.

— Я брат Влада. Почти свой.

— Почти — не считается.

Азар усмехается, откидывается на спинку стула. Влад рядом со мной напряжен, я чувствую это по тому, как он замер. Но молчит. Смотрит на брата, и в его взгляде тоже что-то мелькает. Предупреждение?

— Ты права, — говорит Азар. — Почти не считается. Особенно когда дело касается... клятв.

Последнее слово он произносит с какой-то особенной интонацией. Будто пробует на вкус. Мне становится холодно, хотя в комнате жарко от печи.

Я встаю и начинаю убирать со стола, лишь бы не сидеть под этим взглядом. Влад помогает, и мы вместе уносим посуду на кухню. Там я прислоняюсь к стене, закрываю глаза.

— Что с тобой? — спрашивает Влад тихо.

— Ничего. Просто устала.

Он подходит ближе, берет мое лицо в ладони, заставляет посмотреть на себя.

— Ты бледная. Он тебя напугал?

— Нет. Просто... не ожидала, что кто-то придет.

Влад смотрит долго, потом кивает.

— Ложись спать. Я посижу с ним, мы давно не виделись.

Я киваю и ухожу в спальню. Но не ложусь. Сажусь на кровать и прислушиваюсь к голосам из гостиной. Они говорят тихо, но слух у меня хороший.

— Она тебе не истинная, — слышу я голос Азара.

— Я знаю.

— И никогда не будет. Ты связал себя с человеком. Зачем?

— Это мое дело.

— Твое, конечно. — Пауза. — Но клятву дал ты. И теперь вы оба в ловушке. А если она встретит истинного?

— Не встретит.

— Ты не можешь знать! — Голос Азара звучит странно. Почти... взволнованно? — Истинная связь не спрашивает, Влад. Она просто приходит. И тогда всем будет больно.

Я зажимаю уши ладонями. Не хочу слышать. Не хочу думать об истинных парах. У меня есть Влад, есть клятва, есть наша жизнь. Я не хочу ничего другого.

Но в груди разливается странное тепло. То самое, которое появилось, когда Азар переступил порог. Я тру грудь, пытаюсь унять его, но оно не проходит. Пульсирует в такт сердцу, и я не понимаю, что это.

Просто нервы. Просто реакция на чужого. Просто...

Я лгу себе, и знаю это. Но признаться в правде слишком страшно.

Ночь проходит в тревожной полудреме.

Я ворочаюсь, прислушиваясь к голосам в гостиной, но они стихают быстро. Влад приходит через полчаса, ложится рядом, обнимает со спины. Его тело горячее, тяжелое, надежное. Я прижимаюсь к нему, вдыхаю знакомый запах и постепенно расслабляюсь.

— Спи, — шепчет он в мои волосы. — Я здесь.

Я закрываю глаза и проваливаюсь в сон, полный странных образов. Лес, луна, чьи-то серые глаза. И запах — острый, пряный, чужой. Он преследует меня даже во сне, и я мечусь, пытаюсь убежать, но ноги вязнут в снегу.

Просыпаюсь от того, что Влада рядом нет.

Постель остыла, значит, ушел давно. За окном серое утро, дождь барабанит по стеклу. Я прислушиваюсь — в доме тихо. Слишком тихо.

Натягиваю халат, выхожу в коридор. Из кухни тянет кофе, и я иду на запах, но на пороге застываю.

Азар спит в гостиной.

Он устроился на диване, слишком длинный для этого старого мебельного монстра. Ноги свешиваются с подлокотника, одна рука закинута за голову, другая лежит на груди. Он спит в той же одежде, что и вчера, только скинул обувь. Свитер задрался, открывая полоску кожи на животе, и я смотрю на эту полоску и не могу отвести взгляд.

Дышит он ровно, глубоко. Во сне лицо теряет остроту, становится почти мальчишеским. Темные ресницы дрожат, губы чуть приоткрыты. И вдруг мне приходит в голову мысль, что он красивый. Опасной, дикой красотой, от которой у людей сносит крышу.

Я делаю шаг назад, чтобы уйти на кухню, и в этот момент он открывает глаза.

Серые, почти прозрачные на утреннем свету, они смотрят

прямо на меня. Без смущения, без неловкости. Как будто он знал, что я здесь, и ждал.

— Доброе утро, — говорит он хрипло со сна.

— Доброе, — отвечаю я и почти бегу на кухню.

Сердце колотится как бешеное. Я прислоняюсь к стене, пытаюсь отдышаться. Глупо. Что со мной происходит? Он просто брат Влада. Просто оборотень. Я видела оборотней, живу с одним три года. Почему от этого у меня подкашиваются ноги?

На кухне стоит Влад. Он уже одет, на столе остывший кофе и пустая тарелка из-под мяса.

— Проснулась, — он подходит, целует в лоб. — Как спалось?

— Нормально.

— Ты какая-то бледная.

— Всё хорошо. — Я отворачиваюсь к плите, чтобы налить себе кофе. — Ты рано встал.

— Дела, — голос Влада звучит напряженно. Я чувствую это спиной. — Ксена, мне нужно поговорить с тобой.

Я замираю с чашкой в руках. Медленно поворачиваюсь.

— Что случилось?

Влад стоит у окна, и свет из-за туч делает его лицо жестким, почти чужим. Он молчит несколько секунд, потом говорит:

— Мне нужно уехать. Сегодня.

— Ты же вчера вернулся...

— Знаю. Но дела в городе не ждут. Я и так потерял день.

Я смотрю на него и чувствую, как внутри разрастается пустота. Он уезжает. Оставляет меня здесь. С ним.

— А Азар? — спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Останется. Пока я не вернусь.

Глава 5.

Ксена

— Влад...

— Ксена, — он подходит ближе, берет мое лицо в ладони.

— Я не хочу оставлять тебя одну, когда в лесу чужой запах.

Азар — мой брат. Он защитит, если что.

— От кого защитит? Ты же говорил, он и есть тот чужой.

Влад криво усмехается.

— Он чужой для этих мест. Но не для меня. Я ему доверяю. И ты можешь доверять.

Я хочу сказать, что не могу. Что от одного взгляда Азара у меня мурашки по коже. Что вчерашний разговор про истинные пары заставил меня дрожать всю ночь. Но я молчу. Потому что не знаю, как объяснить то, чего сама не понимаю.

— Сколько тебя не будет?

— Дня три. Максимум четыре. Постараюсь управиться быстрее.

Я киваю. Три-четыре дня. Я справлюсь. Просто буду держаться подальше от гостя.

Влад целует меня в лоб и идет в спальню за сумкой. Я остаюсь на кухне, сжимаю горячую чашку и смотрю в одну точку. В голове пустота.

Через несколько минут я слышу шаги Азара. Он входит на кухню, взлохмаченный, с сонными глазами, и сразу направ-

ляется к плите.

— Кофе есть? — спрашивает буднично, как будто мы сто лет живем вместе.

— В турке, — отвечаю я, кивая на плиту.

Он наливает себе, садится напротив. Я чувствую его взгляд, даже когда смотрю в окно.

— Влад сказал, уезжает, — говорит он. — Остаемся вдвоем.

— Да.

— Боишься?

Я поднимаю глаза. Он смотрит спокойно, без насмешки. Просто спрашивает.

— Нет, — вру я.

— Врешь. — Он улыбается уголками губ. — Но это нормально. Все люди боятся оборотней поначалу.

— Я не боюсь оборотней. Я три года живу с твоим братом.

— С Владом? — Азар склоняет голову, разглядывая меня как диковинного зверька. — Влад особенный. Он приручил своего зверя. А я... я пока нет.

— И что это значит?

— Это значит, что я опаснее.

Он говорит это таким тоном, будничным, почти скучающим, что мне становится холодно. Я отворачиваюсь к окну и вижу Влада, который выходит из дома с сумкой.

— Он уезжает, — говорю я и встаю.

Выскакиваю в прихожую, накидываю куртку прямо на ха-

лат и выбегаю на крыльцо. Влад уже у калитки, открывает машину. На улице льет дождь.

— Влад, стой!

Он оборачивается. Я подбегаю и застываю, не зная, что сказать. Не могу же я попросить: «Не уезжай, я боюсь твоего брата». Это глупо. По-детски глупо.

— Береги себя, — говорю я вместо этого.

Он смотрит на меня долго, пристально. Потом подходит, обнимает крепко, до хруста. Я зарываюсь лицом в его куртку, вдыхаю знакомый запах и молюсь, чтобы он остался. Хотя знаю, что не останется.

— Я скоро, — шепчет он в мои волосы. — Азар приглядит за тобой.

Он отпускает меня, садится в машину. Я стою под дождем и смотрю, как фары освещают кусты у калитки. И тут слышу шаги за спиной.

Азар выходит на крыльцо, останавливается рядом. Мы оба смотрим на машину Влада.

— Он переживает за тебя, — говорит Азар тихо. — Сильно. Я чувствую.

Я молчу. Машина Влада трогается, но вдруг останавливается в нескольких метрах от калитки. Влад выходит. Идет обратно. Я не понимаю, что происходит, но ноги прирастают к земле.

Влад подходит к Азару. Они смотрят друг на друга — два высоких оборотня, братья. Похожи по крови, два зверя, и в

чем-то еще, что мне не дано понять.

— Азар, — голос Влада низкий, с рычащими нотками. — Проводи меня до машины.

Это странно. Машина в пяти метрах. Но Азар кивает и идет с ним. Я остаюсь на крыльце, под холодным дождем, и ветер доносит до меня их разговор.оборотни думают, что люди не слышат на таком расстоянии. Но ветер сегодня играет на моей стороне.

— Ты чувствуешь, да? — это голос Влада.

— Да.

— И что?

Молчание. Я вижу, как Азар пожимает плечами.

— Ничего. Я ничего не могу с этим сделать.

— Можешь, — голос Влада становится жестче. — Ты можешь держать себя в руках. Она моя, Азар. Связана клятвой.

— Я знаю.

— Я прошу тебя. Не трогай её. Даже не смотри на неё так.

— Как?

— Ты знаешь как. Я вижу. И она видит, хоть не понимает. Не надо.

Азар молчит долго. Потом говорит тихо, почти неслышно:

— А если не получится? Если это сильнее меня?

— Сделай так, чтобы получилось, — Влад хлопает его по плечу. Жест братский, но в нём чувствуется сталь. — Ради меня. Ради неё. И ради себя, брат. Ты не захочешь жить с тем, что случится, если ты её тронешь.

Они прощаются. Влад садится в машину и уезжает. Азар стоит под дождём, смотрит вслед, потом медленно поворачивается и идёт обратно к дому.

Я застыла на крыльце. Дождь стекает по лицу, смешиваясь с чем-то горячим, что вдруг потекло из глаз. Я плачу. Сама не знаю почему.

Азар подходит, останавливается в шаге. Смотрит сверху вниз, и в его глазах — боль. Настоящая, живая, незащищённая. Такая, которую оборотни не показывают людям.

— Ты слышала, — говорит он. Не спрашивает — утверждает.

Я киваю.

— И что ты поняла?

— Ничего, — я вытираю щёки ладонями. — Я ничего не понимаю. Почему он просил тебя не трогать меня? Что ты чувствуешь?

Азар смотрит долго. Потом отводит взгляд.

— Заходи в дом. Простынешь.

— Ответь мне.

— Не могу, — в его голосе столько горечи, что мне хочется зажать уши. — Не могу, Ксена. Не сейчас. Иди в дом.

Он уходит первым, оставляя меня под дождём. А я стою и смотрю на пустую дорогу, по которой уехал Влад. И чувствую, как внутри разрастается что-то страшное. То, что я пыталась не замечать с первой секунды, как увидела серые глаза.

То, что разорвёт мне сердце, если я позволю.

Я запрещаю себе думать об этом. Разворачиваюсь и захожу в дом. Азара не видно в гостиной. Я проскальзываю в спальню, переодеваюсь из мокрого халата в сухую одежду и сижу на кровати, глядя в стену.

И что мне теперь делать?

Глава 6.

Ксена

Я сижу в спальне, прижав колени к груди, и смотрю на дверь.

Глупо. Я взрослая женщина, я не должна бояться выйти из собственной комнаты в собственном доме. Но страх липкий, противный, сидит под ложечкой и не отпускает. Я прислушиваюсь к звукам за дверью — в доме тихо. Азар, наверное, тоже сидит в своей комнате. Или ушел в лес. Или...

Я тру виски. Голова раскалывается. Мысли путаются, и в центре каждой — серые глаза и тот разговор под дождем.

«Ты чувствуешь, да?»

«Да».

Что они чувствуют? О чем говорили? Почему Влад просил не трогать меня? Как будто я вещь, как будто Азар может захотеть...

Я зажмуриваюсь. Нет. Я не буду об этом думать.

Проходит час. Два. Желудок сводит от голода — я не ела со вчерашнего вечера, только кофе пила. А еще организм настойчиво напоминает, что долго сидеть в комнате безвыходно не получится по физиологическим причинам.

Взрослая женщина, которая боится выйти в туалет в собственном доме. Смешно. Жалко.

Я встаю, поправляю джинсы и свитер, смотрю на себя в

зеркало — бледная, под глазами тени, волосы растрепались. Причесываюсь дрожащими пальцами и открываю дверь.

В коридоре пусто. Я выдыхаю и быстрым шагом иду в туалет. Закрываюсь, прислоняюсь лбом к прохладной двери. Сердце колотится так, будто я пробежала километр. Это просто вода. Это просто туалет. Я справлюсь.

Вода в унитазе шумит, заглушая шаги. Поэтому когда я выхожу, я не слышу его приближения.

Мы сталкиваемся лицом к лицу.

Азар стоит в двух шагах. Мокрые волосы зачесаны назад, с них капает вода на голые плечи. На бедрах — только полотенце, белое, пушистое, и от этого контраста — мокрой кожи, гладких мышц, острого лица — у меня перехватывает дыхание.

Он замирает. Смотрит на меня.

Я должна пройти. Должна сказать что-то и проскользнуть мимо, в свою спальню. Должна закрыть дверь и не выходить до самого вечера.

Но я не могу двинуться с места.

Воздух между нами становится плотным, почти осязаемым. Я чувствую запах его кожи — влажной, горячей после душа. И тот самый горьковатый, пряный аромат, от которого у меня подкашиваются колени.

Азар делает шаг вперед.

Я вижу, как расширяются его зрачки. Как ноздри трепещут, втягивая воздух. Он тянет носом, явно, почти зверино,

и я понимаю, что он делает — он нюхает меня. Вбирает мой запах.

— Ксена, — выдыхает он, и в этом выдохе столько всего, что мне становится страшно.

— Отойди, — шепчу я. Голос не слышится. — Пропусти меня.

Но он не отходит. Делает еще шаг, и теперь между нами сантиметры. Я чувствую жар его тела, даже не касаясь. Вижу, как пульсирует жилка на его шее.

— Ты чувствуешь? — спрашивает он хрипло. — Скажи мне, ты чувствуешь?

Я мотаю головой, хотя внутри все кричит «да». Чувствую. Чувствую так сильно, что тело перестает подчиняться.

Азар поднимает руку. Медленно, очень медленно его пальцы касаются моего лица — легко, почти невесомо, и от этого прикосновения по коже рассыпаются искры.

— Прости меня, — шепчет он.

И в следующую секунду прижимает меня к стене.

Спиной врезаюсь в холодные обои, но я не чувствую боли. Потому что он утыкается лицом в мою шею, вдыхает, трет-ся носом о кожу, и это ощущение — дикое, первобытное, невозможное — взрывает мозг.

Я должна сопротивляться. Должна кричать, бить его, отталкивать. Я пытаюсь — упираюсь ладонями в его грудь, толкаю. Но грудь как каменная, он даже не двигается. А его губы уже касаются моей шеи, и я слышу, как он рычит. Низко,

гортанно, довольно.

— Азар, прекрати! — выдавливаю я.

— Не могу, — его голос вибрирует на моей коже. — Ты пахнешь... боги, как ты пахнешь...

Он подхватывает меня под бедра, и я взлетаю в воздух. Мои ноги инстинктивно обхватывают его талию, руки вцепляются в мокрые плечи. Он несет меня. В свою спальню.

— Отпусти! — я бью его кулаком по спине. Он даже не вздрагивает. Бью еще, сильнее, вкладывая всю злость и страх. — Азар, мать твою, отпусти!

Он входит в комнату, пинает дверь ногой. Подходит к кровати и опускает меня на одеяло, нависая сверху. Я задыхаюсь — от его веса, от его запаха, от того, как его глаза горят в полумраке.

— Я не сделаю тебе больно, — хрипит он. — Я никогда...

— Слезь с меня!

Я бью его по лицу. Ладонь обжигает, но он даже не моргает. Только смотрит. И в этом взгляде — голод. Чистый, звериный голод, от которого кровь стынет в жилах.

— Бей, — говорит он. — Бей сколько хочешь. Но я не уйду. Не сейчас.

Он наклоняется, и я чувствую его дыхание на своих губах. Зажмуриваюсь, потому что если я увижу его глаза в этот момент — пропаду. И в ужасе понимаю, что уже пропадаю. Что между страхом и желанием в моем теле сейчас нет четкой границы.

— Посмотри на меня, — просит он.

Я мотаю головой, зажмуриваясь сильнее.

— Ксена, посмотри. Я не трону тебя, пока ты не захочешь.

Просто посмотри.

Я открываю глаза. Он надо мной — мокрый, дикий, и в его глазах действительно нет угрозы. Только боль. Только мольба.

— Что ты со мной делаешь? — шепчу я.

— Ничего. Это не я. Это... это сильнее нас обоих.

Он скатывается с меня, ложится рядом, но не касается. Только смотрит в потолок тяжело дыша. Я лежу, вцепившись в одеяло, и не могу пошевелиться.

— Твоя метка, — говорит он вдруг. — Она появилась?

— Какая метка?

— На запястье. Или на шее. Когда истинные встречаются, появляется метка.

Мир останавливается.

— Мы не истинные, — выдыхаю я.

— Да? — он поворачивает голову. В его усмешке столько горечи, что хочется плакать. — Тогда почему я не могу дышать, когда ты рядом? Почему зверь воет так, что ребра трещат? Почему твой запах сводит с ума сильнее любой волчьей травы?

Я молчу. Потому что знаю ответ. Потому что чувствую то же самое.

— Уходи, — говорю я. — Пожалуйста, уходи. Оставь меня

одну.

Он встает. Поправляет сползшее полотенце. Смотрит на меня сверху вниз, и в этом взгляде столько чувств, что физически становится больно.

— Я не трону тебя, Ксена. Даю слово. Но уйти из этого дома не могу. Влад просил присмотреть за тобой.

— Ты называешь это «присмотреть»?

— Я называю это «пытка», — он усмехается. — И я её заслужил.

Он уходит. Дверь закрывается, и я остаюсь одна на его кровати, пахнувшей лесом и дождем.

Я подношу руку к лицу и вижу запястье. Там, где вчера была чистая кожа, сегодня проступает тонкий узор. Серебристый, кружевной, похожий на морозный рисунок. Он пульсирует в такт сердцу.

Метка истинной.

Я закрываю глаза и плачу. Беззвучно, в подушку, пахнущую Азаром. Потому что знаю теперь точно — моя жизнь кончена. Счастье, которое я строила три года, рассыпалось в прах за одни сутки. И впереди только боль, потому что клятву не разорвать без убийства.

А убить я не смогу никого.

Глава 7.

Азар

Я почувствовал её за двести километров до города.

Это звучит безумно, даже для оборотня. Мы чувствуем запахи на расстоянии, но не таком. Мы чувствуем эмоции, но только если они сильные, только если человек открыт. А тут было что-то другое.

Я ехал на старой раздолбанной машине, которую купил за наличные у случайного знакомого, и слушал, как двигатель чихает на подъемах. Мыслями был далеко — в том городе, который пришлось покинуть. В разговоре, который кончился плохо.

Советник альфы. Важная шишка. Не простил мне, что я не поддержал его решение по территории. Сказал, что я молод, горяч и не уважаю старших. Альфа, старый и мудрый, попытался сгладить, но я видел — советник не отступит. Будет точить зуб, ждать момента, подставлять.

Я решил уйти сам. Не потому что испугался. Потому что устал от политики, от клановых разборок, от необходимости постоянно доказывать, что я не претендую на чужое место. Пять лет в северной стае вымотали душу. Зверь внутри скулил и просил свободы.

Я вспомнил о брате.

Влад старше на семь лет. Когда-то, в детстве, мы были

близки. Потом он ушел из родительской стаи — говорят, из-за альфы, из-за самки, из-за глупостей. Я не знаю подробно-стей. Он редко говорил о прошлом. Но кровь — она тянет. Я поехал к нему.

За сто километров до города я выключил радио и просто вслушивался в тишину. В ней, в тишине, начал проступать звук. Нет, не звук. Пульс. Чей-то пульс, бившийся в унисон с моим сердцем.

Я подумал, что схожу с ума.

За пятьдесят километров пульс стал громче. Я остановил машину на обочине, вышел под дождь и стоял, вдыхая воздух. Мокрые сосны, прелая листва, бензин от трассы — и сквозь всё это ниточка. Тонкий аромат, который я не мог описать словами. Он не был сладким или пряным, цветочным или лесным. Он был просто... моим.

Я сел в машину и поехал дальше, сжимая руль так, что костяшки побелели.

Влад встретил меня в лесу.

Я не стал заезжать в поселок сразу — чувствовал, что сначала нужно найти брата. Оставил машину у трассы, пошел пешком, и через час мы столкнулись на старой волчьей тропе. Он был напряжен, зол, готов к драке. Когда узнал — выдохнул, но расслабляться не спешил.

— Ты как тут оказался? — спросил Влад.

— Приехал. Повидаться.

— Надолго?

— Не знаю.

Он смотрел на меня долго, оценивающе. Я видел, что брат не рад. Вернее, рад, но что-то его тревожило.

— Пойдем, — сказал он наконец. — Познакомлю с Ксеной.

Ксена.

Имя ударило под дых, хотя я еще не знал, кому оно принадлежит.

Мы подошли к дому. Обычный бревенчатый дом, каких много в этих краях. Свет горел в окнах. Я чувствовал запах еды, чистоты, и сквозь них — тот самый аромат, что преследовал меня двести километров.

Она открыла дверь.

И я перестал дышать... Мир просто перестал существовать...

Серые глаза. Нет, не серые — цвета грозового неба, с крапинками, которые засветились, когда она посмотрела на меня. Темные волосы, собранные в небрежный пучок, выбившиеся пряди падают на лицо. Худые плечи под свитером, тонкие пальцы, сжимающие край двери.

Она смотрела на меня, и в её глазах я видел страх. Чистый, первобытный страх жертвы перед хищником. И одновременно — что-то ещё. То, что она сама не осознавала. Тот самый пульс, который бился во мне, отозвался в ней.

Я услышал, как участилось её сердце.

Зверь внутри меня встал на дыбы. Завыл, заскребся, тре-

буя выйти, требуя коснуться, вдохнуть ближе, утащить в лес, сделать своей. Я сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Боль помогла удержать контроль.

Влад что-то говорил, представлял меня. Я кивал, не слыша слов. Смотрел на неё и не мог отвести взгляд. Внутри разворачивалась катастрофа — я понял, кто она.

Истинная...

Та, которую зверь выбирает раз и навсегда. Та, чей запах сводит с ума. Та, без которой жизнь становится пустой и бессмысленной.

И она была женой моего брата. Связана клятвой.

Я хотел засмеяться. Или завывать. Или разорвать кого-нибудь голыми руками. Судьба любит пошутить, но это было уже слишком.

Весь вечер я сидел и смотрел на неё. Не мог иначе. Каждое её движение отзывалось во мне судорогой. Как она ставит тарелки. Как поправляет волосы. Как прикусывает губу, когда волнуется. Как старается не смотреть в мою сторону.

Она чувствовала. Я видел. Её тело реагировало на меня так же, как моё на неё. Но разум сопротивлялся, цеплялся за Влада, за клятву, за правильность.

Когда она ушла спать, Влад посмотрел на меня.

— Ты чувствуешь, да?

Я не стал врать.

— Да.

Он долго молчал. Потом сказал то, что я и сам знал:

— Она моя. Связана клятвой.

Я кивнул. Что ещё оставалось?

Ночью я не спал. Лежал на диване, слушал, как скрипит кровать в их спальне. Сжимал подушку, впиваясь ногтями в ткань. Зверь выл так, что, казалось, соседи услышат. Я уговаривал его, убеждал, что нельзя. Что это брат. Что клятва нерушима. Что она или он умрёт, если мы попробуем её разорвать.

Зверь не слушал. Он хотел только её.

Утром я услышал, как она встала. Шаги босых ног по полу, шорох халата, дыхание. Она замерла в дверях гостиной, увидев меня. Влад выделил мне комнату, но я не смог. Это было еще ближе к ней, чем в гостиной.

Я притворился спящим — хотел понять, что будет. Чувствовал её взгляд на себе, и от этого взгляда кожа горела.

Она смотрела долго. Я слышал, как бьётся её сердце — быстро-быстро. Потом она пошла на кухню, и я открыл глаза.

Всё. Я пропал.

Когда Влад сказал, что уезжает, я сначала обрадовался. Потом ужаснулся своей радости. Остаться с ней наедине — это пытка, которую я не заслужил, но и отказаться не мог. Брат просил присмотреть. Брат доверял.

Брат не знал, что его доверие — билет в ад для нас обоих.

Я стоял под дождём и слушал, как Влад просит не трогать её. Смешно. Будто я сам не понимаю. Будто мне не больно. Будто я не знаю, что если прикоснусь — обратной дороги не

будет.

— Ради меня, — сказал Влад. — Ради неё. И ради себя. Я кивнул. А что ещё оставалось?

Вода в душе обжигала, но не могла смыть её запах. Он въелся в лёгкие, в кожу, в кровь. Я стоял под струями и пытался придумать, как пережить эти дни. Просто не приближаться. Просто не смотреть. Просто дышать через раз.

Вышел, намотал полотенце. И столкнулся с ней нос к носу. Дальше я ничего не контролировал.

Запах мокрой после душа кожи смешался с её запахом. Она пахла страхом, смущением и чем-то ещё, от чего зверь потерял последний рассудок. Я втянул воздух и понял, что сейчас или умру, или прикоснусь.

Я прижал её к стене. Не думал, просто сделал. Её шея — боже, какая же она сладкая на вкус — оказалась под моими губами, и я зарычал. Не специально, само вырвалось.

Она била меня. Кулаками по спине, по груди, по лицу. Я почти не чувствовал. Только её запах, только тепло её тела, только то, как её сердце колотится в унисон с моим.

Я понёс её в спальню. Я хотел, чтобы она была в безопасности, чтобы знала — я не сделаю больно. Но зверь хотел другого. Зверь хотел зарыться в неё, пометить, сделать своей навсегда.

Сейчас же я сижу в своей комнате и смотрю на руки. Они дрожат. У оборотней не дрожат руки. Никогда. А у меня дрожат.

В доме тихо. Но я слышу, как она плачет. Тихо, в подушку, чтобы заглушить звуки. Глупая. Я слышу всё. Каждый всхлип отдаётся во мне болью.

Я хочу войти, обнять, утешить. Вместо этого сижу и смотрю на дверь. Зверь воет так, что, кажется, стены сейчас рухнут.

Несколько дней ада, который я заслужил. За что? За то, что родился оборотнем? За то, что судьба решила посмеяться? За то, что встретил её, когда уже поздно?

Я не знаю ответов. Знаю только одно — я не трону её. Даже если сдохну. Потому что она связана с братом. Потому что клятву не разорвать. Потому что если я её трону — убью всех. Её, себя, Влада.

Легче сдохнуть самому.

Я смотрю на потолок и считаю минуты до рассвета. Три дня. Я выдержу.

Боги, кому я вообще вру? Я не выдерживаю и стремительно подхожу к ее комнате...

Глава 8.

Ксена

Я не помню, как добралась до своей спальни.

Кажется, я шла на автомате — коридор, дверь, кровать. Руки трясутся, в голове пустота, и только одно слово бьется в висках, пульсирует в такт метке на запястье: истинная. Истинная. Истинная.

Я падаю на кровать, лицом в подушку, и даю волю слезам. Плевать на тушь, плевать на гордость, плевать на всё. Я плачу навзрыд, по-детски, размазывая слезы по лицу, и не могу остановиться.

Почему? Почему сейчас? Почему он? Я три года жила спокойно, три года убеждала себя, что это нормально — ровное тепло вместо страсти, привычка вместо любви. Три года я почти поверила, что счастье — это когда тебя не бьют и кормят завтраком.

А теперь пришел он. И одним взглядом разбил всю мою выстроенную жизнь вдребезги.

Я смотрю на свою руку. Метка пульсирует слабо, серебристо, красиво. Я тру её — не стирается. Щипаю — больно. Значит, реально. Значит, всё по-настоящему.

И что мне теперь делать?

Мысль о Владе обжигает стыдом. Влад, который спас меня. Влад, который дал мне кров и защиту. Влад, с которым

мы связаны клятвой, которую нельзя разорвать без убийства. Я предаю его уже тем, что сижу здесь и думаю о его брате. Я предаю его тем, что мое тело помнит прикосновения Азара — короткие, безумные, но такие правильные.

Я снова плачу, уткнувшись в подушку, и не слышу шагов. Дверь распаивается.

Я вскидываю голову и вижу Азара. Он стоит на пороге, тяжело дыша, глаза горят в полумраке. На нём снова джинсы, но рубашка накинута кое-как, пуговицы застегнуты криво. Волосы всё ещё влажные после душа.

— Ты плачешь, — говорит он. Не спрашивает.

— Уйди!

Вместо ответа он пересекает комнату в три шага. Я не успеваю даже вскрикнуть — он подхватывает меня на руки вместе с одеялом, в которое я завернулась. Садится на кровать, спиной к изголовью, и сажает меня к себе на колени. Прижимает к груди так крепко, что я слышу биение его сердца — частое, бешеное, как у загнанного зверя.

— Отпусти, — шепчу я, но руки уже не слушаются. Они сами ложатся на его плечи, вцепляются в рубашку.

— Нет, — его голос низкий, вибрирует где-то в груди. — Не могу. И не хочу.

Он прижимается губами к моей макушке. Я чувствую его дыхание в волосах, и по телу разливается тепло. Не то, ровное и спокойное, к которому я привыкла с Владом. Другое — горячее, опасное, заставляющее сердце биться где-то в горле.

— Тише, маленькая, — шепчет он. — Тише. Я здесь. Я никуда не уйду.

— Не называй меня так, — всхлипываю я.

— Как?

— Маленькой. Я не маленькая.

— Для меня маленькая, — я чувствую, как он улыбается кожей, вибрацией. — И самая красивая. Самая нужная. Самая моя.

— Я не твоя, — эти слова вырываются с болью, чувствую себя ребенком. — Я клятву давала.

Азар замирает. На секунду мне кажется, что сейчас он оттолкнет меня, встанет и уйдет. Но он только вздыхает, прижимает меня крепче и начинает говорить. Шепотом, почти в самые губы:

— Я знаю. Я всё знаю, Ксена. И мне плевать.

— Как это — плевать?

— Вот так, — он проводит носом по моей щеке, стирая слезы. — Плевать, что ты связана. Плевать, что ты с братом. Плевать на все законы обратной и людей. Ты моя истинная. Я чувствовал тебя за пятьдесят километров до города. Я сходил с ума всю дорогу, потому что не понимал, что со мной. А теперь понимаю.

Он целует мои мокрые щеки. Горячо, хаотично, покрывая поцелуями дорожки от слез. Лоб, брови, веки, скулы. Я зажимаюсь, и каждый поцелуй оставляет на коже огненный след.

— Азар, — выдыхаю я. — Не надо...

— Надо, — его губы находят мои. Не целует — просто касается, дразнит, мучает. — Надо, чтобы ты знала. Чтобы ты чувствовала. Чтобы ты перестала бояться.

— Я боюсь не тебя.

— Знаю. Ты боишься клятвы. Боишься предать Влада. Боишься себя, — он отстраняется чуть-чуть, смотрит в глаза. — Я всё понимаю. Правда. И клянусь тебе — я найду выход.

— Выхода нет. Влад сказал — только убийство.

— Влад не всё знает, — в голосе Азара появляется жесткость. — Он жил в стае, но он не изучал древние законы. А я изучал. Я искал способы, как разорвать любую связь, когда сбегал с Севера. Думал, пригодится. И нашёл кое-что.

Я замираю. Смотрю на него, боясь поверить.

— Что нашёл?

— Пока не скажу, — он усмехается, проводит пальцем по моей нижней губе. — Сначала хочу, чтобы ты просто была рядом. Чтобы привыкла ко мне. Чтобы перестала вздрагивать, когда я вхожу.

— Я не вздрагиваю.

— Врёшь, — он улыбается, и в этой улыбке столько нежности, что у меня перехватывает дыхание. — Врёшь, моя хорошая. Но ничего. Я подожду. Я умею ждать.

— Азар... — я не знаю, что сказать. В голове каша, эмоции зашкаливают. Но тело уже не слушается разума. Я прижимаюсь к нему сама, вдыхаю его запах, и мне кажется, что

я всегда здесь была. Что эти объятия — мой настоящий дом.
— Какая же ты... — шепчет он куда-то в мои волосы. —
Сладкая. Моя.

Он целует меня. В этот раз по-настоящему. Вкус слез смешивается с его вкусом — мята, дождь, лес, что-то дикое и первобытное. И я отвечаю. Впервые за три года я отвечаю на поцелуй не потому, что «так надо» или «он хочет», а потому что сама горю, сама хочу, сама сгораю.

Его руки скользят по моей спине, прижимают ближе. Я чувствую, как дрожит его тело — он сдерживается из последних сил. И эта дрожь заводит сильнее любых слов.

— Ксена, — выдыхает он мне в губы. — Если ты скажешь «стоп», я остановлюсь. Прямо сейчас. Но если ты не скажешь...

Я не говорю.

Я только тянусь к нему сама, запускаю пальцы в его влажные волосы, притягиваю ближе. И он стонет — глухо, по-звериному довольно, от этого звука у меня все трепещет внутри.

Он валится на спину, утягивая меня за собой. Я оказываюсь сверху, и это новое ощущение — власть над таким огромным, сильным мужчиной — пьянит. Он смотрит снизу вверх, и в его глазах — обожание. Чистое, незамутненное.

— Ты даже не представляешь, — шепчет он, — как давно я хотел тебя увидеть. Всю жизнь ждал. И не знал.

Я наклоняюсь и целую его сама. Медленно, смакуя. Он позволяет, только гладит по спине, по пояснице, заставляя

меня выгибаться от этих прикосновений.

Влад.

Мысль о нем врывается в голову, как холодный ветер. Я замираю. Азар чувствует сразу — напрягается, открывает глаза.

— Что?

— Влад, — шепчу я. — Мы не можем. Клятва.

Азар смотрит на меня долго. Потом медленно садится, прижимая меня к себе.

— Я знаю, что ты чувствуешь сейчас, — говорит он тихо.

— Вину. Стыд. Страх. Я всё это чувю.

— И что?

— И ничего, — он гладит меня по волосам. — Это нормально. Ты три года жила с ним, он твой спаситель, твоя безопасность. Я не прошу тебя забыть это в один день.

— А что ты просишь?

— Просто дай мне шанс. Узнай меня. Позволь быть рядом. А когда ты перестанешь видеть во мне чужого, когда поймешь, что я не враг тебе и не угроза — тогда мы решим, что делать с клятвой.

Я смотрю на него и чувствую, как внутри тает последний лед. Как страх уходит, уступая место чему-то теплему, большому, настоящему.

— Ты правда думаешь, что есть выход?

— Правда, — он смотрит мне прямо в глаза. — Я не обещаю, что будет легко. Но я обещаю, что буду рядом. Что не

брошу. Что разберусь с этими древними законами и найду способ. Только... только не отталкивай меня, Ксена. Пожалуйста.

В его голосе столько мольбы, что у меня сжимается сердце.

Я молча киваю. И прижимаюсь к нему, слушая, как бьется его сердце. Ровно, сильно, в такт моему.

Мы сидим так долго. Он гладит меня по спине, иногда целует в макушку, в висок. И я чувствую себя... живой. Впервые за три года по-настоящему живой. Не функцией при мужчине, не тенью, не спасенной жертвой. А женщиной, которую любят. Которую хотят. Которая нужна просто так, за то, что она есть.

Это пьянит сильнее любого вина.

— Азар? — зову я шепотом.

— М?

— Мне страшно.

— Знаю, — он целует меня в лоб. — Мне тоже.

— Но с тобой... не так страшно.

Он улыбается — светло, открыто, как мальчишка. И я понимаю, что пропала окончательно. Что этот мужчина, с его серыми глазами и дикой душой, уже успел забрать себе кусочек моего сердца.

Осталось только понять, что делать с остальным.

Глава 9.

Ксена

Я просыпаюсь от тепла.

Оно везде — обволакивает спину, плечи, бедра. Я чувствую тяжелую руку на своей талии, прижимающую меня к чему-то горячему и твердому. И запах — лесной, пряный, горьковато-сладкий. Запах Азара.

Я открываю глаза. Утро. Серый свет сочится сквозь шторы, рисует полосы на полу. Я лежу на боку, свернувшись калачиком, и Азар обнимает меня сзади, уткнувшись носом в мои волосы. Его дыхание ровное, глубокое — он спит.

Я не двигаюсь. Боюсь разрушить этот момент. Боюсь, что если пошевелюсь, всё исчезнет — тепло, покой, странное чувство защищенности, которое я испытываю в его руках.

Я разглядываю его пальцы на своем животе — длинные, сильные, с аккуратными ногтями. На тыльной стороне ладони тонкий шрам, почти незаметный. Я осторожно касаюсь его кончиками пальцев, и Азар вздыхает во сне, прижимается ближе.

Сердце пропускает удар.

Что я делаю? Что мы делаем? Влад уехал вчера утром, а я уже сплю в объятиях его брата. Это неправильно. Это предательство. Но в груди нет стыда — только какое-то щемящее, сладкое чувство. Будто я всю жизнь ждала именно это-

го. Будто три года с Владом были сном, а сейчас я наконец проснулась.

— Ты слишком громко думаешь, — раздается хриплый шепот над ухом.

Я вздрагиваю. Азар усмехается, целует меня в висок.

— Доброе утро.

— Доброе, — отвечаю я тихо.

— Как спалось?

— Странно.

— Хорошо странно или плохо странно?

Я молчу. Он приподнимается на локте, заглядывает мне в лицо. В серых глазах — утренняя нежность и что-то еще. Беспокойство.

— Ксена?

— Хорошо, — признаюсь я шепотом. — Очень хорошо. И от этого страшно.

Он понимает. Не переспрашивает, не требует объяснений. Просто снова обнимает, прижимает к себе так, что я слышу биение его сердца.

— Бояться — это нормально, — говорит он. — Я тоже боюсь.

— Ты? Оборотень?

— Даже волки боятся, — его губы касаются моего плеча.

— Особенно когда есть что терять.

Мы лежим так еще немного. Я слушаю его дыхание, его сердце, и мир за окном перестает существовать. Есть только

мы. Только эта кровать, эти простыни, пропитанные его запахом. Только чувство, от которого кружится голова.

— Надо вставать, — говорю я наконец.

— Надо, — соглашается он, но не отпускает.

— Азар?

— М?

— Я есть хочу.

Он смеется тихо. От этого смеха по спине бегут мурашки.

— Хорошо. Идем готовить завтрак.

Он встает первым, протягивает мне руку. Я смотрю на его ладонь, и мне кажется, что это какой-то важный выбор — взять или не взять. Беру. Его пальцы смыкаются вокруг моих, и он тянет меня вверх, легко, как пушинку.

На кухне я чувствую себя неловко. Азар ходит за мной следом, касается постоянно — то талии, то плеча, то волос. Я наливаю кофе в кружки, а он стоит за спиной и дышит в макушку.

— Ты можешь отойти на метр? — спрашиваю я, пытаюсь придать голосу строгость.

— Не могу, — отвечает он без тени смущения. — Ты слишком вкусно пахнешь.

Я краснею. Отворачиваюсь к плите, чтобы он не видел. Но он всё видит — я чувствую его улыбку.

Мы завтракаем за кухонным столом. Я ем кашу, он — мясо. Смотрит на меня, и я тону в этом взгляде.

— Азар, — говорю я, чтобы нарушить молчание. — Рас-

скажи, почему ты здесь оказался. Влад сказал, вы пять лет не виделись.

Он откидывается на спинку стула. Улыбка сползает с лица, становится жестче, старше.

— Поссорился с советником альфы Северной стаи. Он думал, что я мечу на его место. Произошли разногласия. А вообще я думаю, он хотел, чтобы я взял в пару его дочь. Он намекал несколько раз. А я отказался. Тогда он зацепился за то, что я неверно принимаю решения.

— Просто отказался?

— Я сказал, что не возьму её, даже если она последняя волчица на земле. — Азар усмехается криво. — Клановые интриги — это последнее, в чем я хотел бы участвовать.

— И ты решил прийти к Владу?

— Не сразу. Я бродил почти месяц, думал, куда податься. Влад — единственный, кто меня примет без вопросов. Или почти без вопросов, — он смотрит на меня, и в его глазах появляется что-то мягкое. — Я не знал, что найду здесь тебя.

— Если бы знал — пришел бы?

— Прибежал бы еще раньше, — его голос становится низким, серьезным. — Ксена, я бы перегрыз глотку любому, кто встал бы на пути. Даже себе.

Я опускаю глаза. Внутри всё переворачивается — от страха, от восторга, от неверия.

— Ты говорил вчера про клятву, — напоминаю я. — Что нашел кое-что.

Азар кивает, ставит чашку на стол.

— Есть слухи. Старые, из тех, что передают шепотом на границе территорий. Говорят, где-то живет оборотень-отшельник. Он потерял истинную много лет назад. Ушел из стаи, из мира людей, поселился там, где его никто не найдет.

— И что он знает?

— Всё, — Азар смотрит на меня пристально. — Об истинной связи, о клятвах, о древних законах, которые даже старые альфы забыли. Ходят слухи, что он нашел способ разрывать любые связи. Даже те, что скреплены кровью.

— Ты знаешь, где его искать?

— Никто не знает. Но я найду, — в его голосе железо. — Я обещал тебе, Ксена. Я найду выход.

Я смотрю на него и верю. Верю каждому слову, хотя понимаю, как это безумно. Какой-то отшельник, слухи, древние законы — всё это похоже на сказку. Но в глазах Азара нет сомнения. Только решимость.

— Азар... — начинаю я, но он резко поднимает голову.

Я вижу, как меняется его лицо. Расслабленность уходит, черты заостряются, глаза сужаются. Он смотрит куда-то мимо меня, в стену, но я знаю — он видит другое. Лес. Что-то там, в лесу.

— Азар? — зову я тихо.

— Тихо, — он поднимает руку.

Я замолкаю. Мы сидим так несколько секунд, и я слышу только свое дыхание. А потом Азар встает — резко, одним

движением. И я вижу его зверя. Не глазами — кожей чувствую, как из него вырывается что-то дикое, опасное.

— Чужие, — говорит он глухо. — В лесу. Двое. Может, трое. Идут сюда.

Мороз пробегает по коже.

— Кто?

— Не знаю. Но они не с добром, — он смотрит на меня, и в его взгляде — боль. — Ксена, слушай меня внимательно. Ты пойдешь в спальню и закроешься. Не выходи, пока я не вернусь.

— Азар, нет...

— Ксена, — он подходит, берет мое лицо в ладони. — Пожалуйста. Я должен пойти в лес. В человеческом теле я слабее, медленнее. Только в шкуре волка я смогу защитить эту территорию. Защитить тебя.

— Я не хочу, чтобы ты уходил, — шепчу я, и голос срыгается. — А что, если они...

— Ничего со мной не случится, — он улыбается, но улыбка выходит кривой. — Я слишком долго тебя искал, чтобы умереть сейчас.

Я плачу. Слезы текут по щекам, и я не могу их остановить. Азар вытирает их большими пальцами, целует мокрые дорожки.

— Не плачь, маленькая. Я вернусь. Обещаю.

— Ты обещал не трогать меня, — всхлипываю я. — И тоже не сдержал.

Он замирает. А потом смеется — тихо, отчаянно. И целует меня. Жадно, глубоко, с каким-то отчаянием. Я чувствую его страх, его любовь — всё в этом поцелуе. Отвечаю тем же, вцепившись в его плечи, потому что вдруг понимаю: он может не вернуться. А я даже себе признаться не могу...

— Послушай меня, — шепчет он, отрываясь от моих губ.
— Послушай, Ксена. Я знаю, что прошу много. Но ты должна остаться здесь. Если я не вернусь к утру — звони Владу. Скажешь, что пришли чужие. Он придет. Он защитит.

— Не говори так. Не говори «если не вернусь».

— Хорошо, — он гладит меня по щеке. — Я вернусь. Обязательно вернусь. А теперь иди.

Он подталкивает меня к коридору. Я иду, ноги не слушаются, но я заставляю себя. У двери спальни оборачиваюсь.

Азар стоит в прихожей. Смотрит на меня. В глазах — тоска, такая огромная, что она заполняет собой весь дом.

— Береги себя, — говорю я.

— Ты больше.

Он выходит. Я слышу, как хлопает входная дверь. Потом шаги на крыльце. И тишина.

Я забегаю в спальню, запираюсь, отхожу к стене. Сжимаю телефон в руке, смотрю на экран. Хочется позвонить Владу, позвать обратно, сказать, что страшно. Но я не могу. Потому что Азар просил ждать. Потому что если я позвоню Владу, он придет и увидит... увидит нас.

Я сползаю по стене на пол, обхватываю колени руками. За

окном уже темнеет, хотя только вечер. Лес шумит, и в этом шуме мне слышатся голоса. Чужие. Свои. Я зажмуриваюсь и шепчу в пустоту:

— Вернись. Пожалуйста, вернись.

За стеной воет ветер. Или волк. Я не знаю. Я только сижу на холодном полу и жду. Впервые в жизни — по-настоящему жду. С надеждой. Со страхом. С чувством, которое больше похоже на молитву.

Вернись...

Я не знала, что можно полюбить так быстро. Так сильно. Так отчаянно.

Но теперь знаю. И это страшнее любой клятвы.

Глава 10.

Азар

Я выхожу из дома, и воздух ударяет в ноздри россыпью запахов.

Сосновая смола, мокрая земля, прелая листва — всё это привычный фон. Но сквозь них — чужое. Трое. Может, четверо. Они прошли по границе территории час назад, может, два. Оставили запах злобы и уверенности в своей правоте.

Я знаю этот запах. Северная стая.

Значит, нашли. Быстрее, чем я думал.

Я ухожу в лес, не оглядываясь. Каждый шаг от дома отдается болью в груди, будто меня разрывают на части. Зверь требует вернуться, встать у двери, защищать. Но разум понимает — в человеческом теле я всего лишь сильный мужчина. А в волчьем — смерть. И сегодня мне нужно быть смертью.

На поляне, в сотне метров от дома, я останавливаюсь. Стягиваю куртку, футболку. Холодный воздух обжигает кожу, но это хорошо. Это помогает сосредоточиться.

Я закрываю глаза и зову зверя.

Он приходит не сразу — обиделся, что я так долго его душил. Кость за костью, мышца за мышцей. Тело ломается и перестраивается, и в этой боли есть освобождение. Я чувствую, как уходит человек, как на сцену выходит то, что древнее, чище, опаснее.

Когда я открываю глаза, мир становится другим.

Запахи обретают цвет. Звуки — форму. Я чую всё — каждую травинку под лапами, каждую белку в дупле, каждую каплю влаги в воздухе. И сквозь этот океан информации — они. Северяне.

Я срываюсь с места. Земля летит из-под лап, ветер свистит в ушах. Я бегу, и в беге растворяется страх, сомнения, память о человеческих законах. Остается только цель. Только враг. А в голове только она.

Ксена.

Её запах остается в ноздрях, когда я уйду вглубь леса. Я несу его с собой, как амулет. Как обещание, что есть к чему возвращаться.

Я нахожу их через десять минут.

Трое. Все в волчьем обличье, серые тени между сосен. Я узнаю вожака — Клык, правая рука альфы. Тот, кто должен был убедить меня жениться на дочери. Или убить, если не соглашусь.

Они чувствуют меня одновременно. Поднимают головы, скалят пасти. Клык делает шаг вперед, и в его глазах — насмешка. Он думает, что я беглец, что я слаб, что меня можно запугать.

Он не знает, что я бежал не от них. Я бежал к ней.

— Азар, — мысленный голос Клыка врывается в сознание. Грубый, насмешливый. — Альфа ждет ответа. Твое время вышло.

Я не отвечаю. Медленно обхожу их, занимая позицию между ними и домом. Ксена там. За мной. Я не сделаю ни шага назад.

— Альфа может подождать, — рычу я в ответ. — У меня теперь другие дела.

— Другие дела? — Клык смеется, оскаливая клыки. — Слышал, у твоего брата есть человеческая самка. Неужели ты... — Он втягивает носом воздух, и его зрачки расширяются. — О. Я чувствую. Она твоя истинная. Какая удача для альфы.

Внутри меня поднимается ярость. Такая, что мир становится красным.

— Ты не приблизишься к ней.

— Я не приближусь? — Клык делает шаг. Двое других расходятся в стороны, берут меня в полукольцо. — Ты думаешь, я не чувствую? Она человек. Слабый. Беззащитный. И твой брат связал её клятвой. Забавно. Он думал, что защищает, а посадил в золотую клетку. А теперь пришел ты, и клетка стала адом для всех.

Он знает. Он всё знает. И он будет использовать это против меня.

Я бросаюсь первым.

Удар пришелся на плечо Клыка — я сбиваю его с ног, вгрызаюсь в загривок, но он выворачивается. Его клыки скользят по моему боку, оставляя глубокую борозду. Боль вспыхивает, но я не чувствую её. Только кровь, горячая,

своя, стекает по шерсти.

Двое других набрасываются сзади. Один вцепляется в заднюю лапу, другой — в холку. Я кружусь, пытаюсь сбросить их, но они держат мертво. Клык поднимается, стряхивает землю с морды и смотрит на меня с торжеством.

— Ты всегда был слишком горяч, Азар. И это тебя погубит.

Он бьет в грудь. Когти раздирают шкуру, ребра трещат. Я падаю, и мир плывет перед глазами. Надо мной нависают трое, и я понимаю — я проигрываю. Их трое. Я — один.

Но за моей спиной — она.

Ксена.

Я закрываю глаза и чувствую её. Она в доме, сидит на полу в спальне, обхватив колени. Она плачет. Она шепчет мое имя. И внутри меня, там, где зверь встречается с человеком, загорается что-то. Не ярость. Нечто большее.

Надежда. Отчаяние. Любовь.

Я открываю глаза и встаю.

Клык отступает на шаг — он не ожидал. Он думал, я сломан. Я и сломан. Но не настолько, чтобы сдаться.

— Ты не пройдешь, — рычу я, и в моем рычании — вся моя жизнь. Весь страх, вся боль, вся нежность, которую я не успел подарить. — Ты. Не. Пройдешь.

Я бросаюсь снова. На этот раз без стратегии, без мысли. Только ярость и любовь, сплетенные в один узел.

Я вцепляюсь в горло ближайшему. Чувствую, как ломают-

ся позвонки под челюстями. Выплываю и разворачиваюсь ко второму, но Клык бьет сбоку, сшибает с ног. Его клыки входят в плечо, дробят кость. Я рычу — по-звериному.

Второй наваливается сверху, прижимает к земле. Я чувствую, как силы уходят. Как холод расползается по телу. Еще немного — и я потеряю сознание. Еще немного — и они пойдут к дому.

Глава 11.

Азар

Ксена. Я вспоминаю её лицо. То, каким оно было утром, когда она смотрела на меня сквозь слезы. Испуганное, нежное, живое. Как она шептала: «Вернись». Как её пальцы вцеплялись в мою рубашку.

Я не могу умереть. Я обещал вернуться.

Зверь внутри меня взрывается.

Я не знаю, откуда берутся силы. Может быть, так работает истинная связь — когда она дает последний шанс. Я сбрасываю того, кто на мне. Вскидываю на лапы, разворачиваюсь к Клыку. Он еще не понял, что произошло, когда я вонзаю когти ему в морду.

Он воеет, отшатывается, и я бью снова. В грудь, в плечо, куда придется. Я бью, чтобы убить. Чтобы они убрались. Чтобы никогда больше не приближались к дому, где ждет она.

Второй, уцелевший, срывается с места и бежит. Я слышу его шаги, удаляющиеся в лес, но не преследую. Не могу. Силы кончились.

Клык лежит на земле, тяжело дышит. Я смотрю на него сверху вниз.

— Передай альфе, — рычу я. — Я больше не в стае. Если кто-то из ваших приблизится к этому дому — я приду за вами. И я не буду один.

Я не говорю, кто будет со мной. Но Клык понимает. Он видел, как я дрался. Он знает, что истинная связь делает с оборотнями.

Он уходит, хромая, оставляя за собой кровавый след. Я стою на поляне, тяжело дыша, и чувствую, как тело отказывается держать форму. Слишком много ран. Слишком много крови.

Я падаю на бок, и мир начинает распадаться на куски. Сосны, небо, земля — всё смешивается в серую кашу.

Ксена.

Я чувствую её. Она всё еще в доме. Она жива. Она в безопасности. Я выполнил обещание.

Но я не могу встать. Ноги не держат, лапы подкашиваются. Я лежу в мокрой траве, слушая, как кровь стекает на землю, и думаю только о ней. О её губах. О её запахе. О том, как она сказала: «С тобой не так страшно».

Я должен вернуться. Я обещал.

Я пробую встать — и мир взрывается болью. Плечо разорвано, ребра сломаны, по боку течет кровь так сильно, что земля подо мной становится черной.

Я не дойду.

Мысль приходит холодная, четкая. Я не дойду до дома. Слишком далеко. Слишком много крови. Я истекаю здесь, на этой поляне, в сотне метров от неё.

Нет. Я не сдамся.

Я перекидываюсь обратно. Сил едва хватает. Это убий-

ственно больно — кости встают на место, мышцы стягиваются, рваные раны открываются снова. Я кричу, но не слышу себя. Только чувствую, как человеческое тело принимает вес звериных травм.

Я ползу.

На четвереньках, как зверь, но уже человек. Земля царапает ладони, колени раздираю в кровь. Я ползу к дому. К ней. Каждый метр дается через «не могу», но я ползу.

Сто метров. Восемьдесят. Пятьдесят.

Я чувствую её запах. Он становится сильнее, ближе. Она в доме, я чую — дверь заперта, она сидит в спальне. Она плачет. Она думает, что я не вернусь.

Я вернусь.

Тридцать метров. Двадцать. Я вижу свет в окнах. Вижу крыльцо, на котором мы стояли под дождем.

Десять метров.

Силы кончаются. Я падаю лицом в мокрую траву и не могу встать. Пальцы скребут землю, но тело больше не слушается.

— Ксена, — шепчу я одними губами. Я даже не знаю, чувствует ли она. Слышит ли.

Я закрываю глаза и вижу её. Как она улыбается, когда я целую её в макушку. Как краснеет, когда я говорю про запах. Как смотрит на меня, будто я — весь её мир.

Я не умру. Я обещал вернуться.

Я открываю глаза и делаю последний рывок. Ползу, встаю на ноги, падаю, снова ползу. Калитка. Крыльцо. Ступеньки.

Я поднимаю руку, чтобы постучать, но сил нет. Только царапаю ногтями по дереву. Раз. Другой.

— Ксена... — шепчу я, и голос рвется в тишине.

За дверью тихо. Она не слышит.

Я прислоняюсь лбом к холодному дереву и закрываю глаза. Больше нет сил. Я сделал всё, что мог. Я защитил её. Я вернулся. Почти.

Я теряю сознание на крыльце, и последнее, что я чувствую — запах. Её запах. Он везде. Он внутри меня. И я умираю счастливым, потому что она жива.

Она жива.

Меня слепит белый свет. Он повсюду и от него болят глаза. Я в раю? Или нет? Есть ли у оборотней рай?

Сквозь этот свет проступает силуэт. Я слышу голос, словно внутри себя, и одновременно отовсюду.

Сила истинных не только в том, чтобы чувствовать друг друга на расстоянии. И не только в верности.

Сила истинных дает здоровое потомство. Но и это не главное. Истинная любовь исцеляет многие раны.

Тебе еще рано умирать, Азар. Твоя истинная еще не познала всей мощи вашей любви. Иди! Иди, волк! Мы встретимся в долине смерти. Но не для того, чтобы умереть. А чтобы разорвать ложное...

Ступай, дитя луны. Ступай...

Острая боль пронзает все тело. Я кричу, но кажется, что звук не выходит из горла. Мне кажется, я падаю и падаю,

и никак не могу приземлиться... Водоворот боли и страха никак не хочет заканчиваться. И вдруг... Тишина. Темнота. Будто выкрутили лампочку и разом выключили все звуки мира.

И сквозь темноту я вижу ЕЁ. Чувствую ее руки. Ее губы.

И сердце начинает биться с новой силой. А зверь, который тихо скулил где-то глубоко внутри, замолкает и замирает.

Глава 12.

Ксена

Я сижу на полу в спальне, прижавшись спиной к стене.

Телефон в руке, но я не смотрю на экран. Я смотрю в одну точку — на дверь. Слушаю. Тишина давит на уши, и в этой тишине мне слышится всё. Шаги. Вой. Крики. А потом снова тишина.

Я уже не плачу. Слезы кончились, осталась только сухая, выжигающая изнутри пустота. Я кусаю губы, чтобы не закричать, и впиваюсь ногтями в ладони. Боль отвлекает, но ненадолго.

Азар в лесу. Азар один против чужих. Азар может...

Я не додумываю эту мысль. Выкидываю её из головы, как только она появляется. Но она возвращается. Снова и снова.

Проходит час. Может, два. Я потеряла счет времени.

И вдруг я чувствую боль.

Она приходит ниоткуда — резкая, острая, будто кто-то вогнал нож мне в бок. Я вскрикиваю, хватаюсь за ребра, но там ничего нет. Только боль. Чистая, чужая, не моя.

— Азар, — шепчу я.

Боль нарастает. Плечо, грудь, лапы... лапы? У меня нет лап, но я чувствую, как что-то впиивается в конечности, которых у меня нет. Как рвется шкура, которой у меня нет. Как ломаются ребра, которые не мои.

Это его боль. Я чувствую его боль.

Я сползаю на пол, скручиваюсь в позу эмбриона. Дышать тяжело — каждое движение отдается в груди чужим страданием. Я не понимаю, как это возможно, но я чувствую каждую его рану. Каждый удар. Каждый миг, когда он теряет силы.

— Азар, — зову я, и голос срывается. — Азар, пожалуйста...

Я не знаю, слышит ли он. Не знаю, работает ли истинная связь в обе стороны. Я ничего не знаю об истинной связи. Но я шепчу его имя снова и снова, как молитву. Как заклинание. Как последнюю надежду.

Боль стихает. Не уходит — становится глуше, дальше. Как будто он отстранился. Или я отстранилась. Я не знаю.

А потом я слышу голос.

Не ушами — всем телом. Он приходит из ниоткуда, прорастает в груди, пульсирует в такт метке на запястье.

«Ксена».

Я замираю. Это не звук. Это... знание. Чистое, неразбавленное, прямое. Он зовет меня. Не словами — всем своим существом.

— Я здесь, — шепчу я в пустоту. — Я здесь, Азар.

«Ксена».

Снова. Сильнее. Метка на запястье вспыхивает серебром, пульсирует так, что я чувствую каждый удар сердца. И в этот момент я понимаю — он не просто зовет. Он умирает...

Я вскакиваю.

Ноги не слушаются, подкашиваются, но я бегу. Коридор, гостиная, прихожая. Я сшибаю стул, не замечаю. В голове только одно — он там. Он зовет. Он нуждается во мне.

Я распахиваю дверь.

И мир останавливается.

Азар лежит на крыльце.

Он в человеческом теле, но я почти не узнаю его. Лицо белое, как бумага, глаза закрыты. Руки раскинуты в стороны, пальцы в грязи и крови. Вся его одежда пропитана кровью — темной, почти черной в свете уличного фонаря. Она растекается под ним, впитывается в доски крыльца.

Я кричу.

Этот крик рвется из груди сам, без моего участия. Дикий, звериный, такой, какого я никогда от себя не слышала. Я падаю на колени рядом с ним, хватаю его за плечи, трясую.

— Азар! Азар, нет! Пожалуйста, нет!

Он не открывает глаза. Его лицо спокойное, почти безмятежное, и это пугает больше всего. Мертвые не выглядят спокойными. Они выглядят пустыми. А он... он просто спит. Спит слишком глубоко.

Я прижимаю пальцы к его шее, ищу пульс. Сердце бьется — слабо, неровно, но бьется. Живой. Еще живой.

— Я вытащу тебя, — шепчу я. — Слышишь? Я вытащу.

Я беру его под мышки и тяну. Он тяжелый — невероятно тяжелый, и я почти не сдвигаю его с места. Но я тяну.

Вцепляюсь пальцами в мокрую от крови ткань и тащу, срывая спину, сдирая колени в кровь. Потому что если я остановлюсь — он умрет.

Я затаскиваю его в прихожую. Здесь светлее, и я вижу раны. Их много. Слишком много. Плечо разорвано — я вижу мясо, и меня выворачивает наизнанку, но я не останавливаюсь. Я тащу его дальше, в гостиную. Там тепло, там ковер, там можно...

Я скидываю одеяло с дивана, расстилаю на полу. Потом тяну Азара на одеяло, кладу на спину. Он стонет — слабо, едва слышно, но стонет. И это лучший звук в моей жизни.

— Я здесь, — говорю я, глядя его лицо. — Я здесь, Азар. Слышишь? Я не оставлю тебя.

Я бегу в ванную за аптечкой. У нас есть большая, Влад всегда держал её наготове — оборотни часто дерутся. Я высыпаю содержимое на пол, лихорадочно перебираю бинты, перекись, шприцы с обезболивающим. Руки трясутся, я роняю всё, но продолжаю.

Возвращаюсь к нему. Сдираю остатки футболки — ткань прилипла к ранам, и я вижу, как он сжимает зубы даже в беспомощности. Промываю раны водой, хотя меня тошнит от того, что я вижу. Глубокие, рваные, страшные. Это сделали клыки и когти.

— Держись, — шепчу я, заливая раны перекисью. Она должна уничтожить заразу. Должна. Я читала об этом. — Держись, пожалуйста.

Я перевязываю его. Бинты выходят кривыми, слишком тугими или слишком слабыми, но я не умею иначе. Я не медик, я никто. Я просто женщина, которая смотрит, как умирает её истинный, и ничего не может с этим сделать.

— Не смей умирать, — говорю я, и голос срывается на крик. — Ты обещал! Ты обещал вернуться, ты обещал найти способ, ты обещал... ты не можешь...

Я закрываю лицо руками и рыдаю. Всё, что копилось внутри — страх, боль, отчаяние — вырывается наружу. Я плачу так, как не плакала никогда. Даже когда меня травили оборотни в лесу. Даже когда Влад предложил клятву, и я поняла, что свободы больше не будет.

Азар не шевелится.

Я беру его руку — холодную, тяжелую — и прижимаю к своей щеке. Кладу голову ему на грудь, слушая сердце. Оно бьется — глухо, неровно, с перебоями.

— Вернись, — шепчу я ему. — Пожалуйста, вернись. Я не успела тебе сказать... я не успела...

Я поднимаю голову. Смотрю на его лицо — бледное, осунувшееся, но всё еще красивое. Губы чуть приоткрыты, ресницы черные. Я глажу его по щеке, по лбу, по волосам. Целую в губы — сухие, холодные, не отвечающие.

— Ты говорил, что я твоя истинная, — шепчу я. — Говорил, что чувствовал за пятьдесят километров. Что зверь выл, когда я плакала. Так докажи. Докажи, что эта связь что-то значит. Вернись ко мне, Азар. Пожалуйста. Я не хочу быть

одна. Я не хочу снова быть одна...

Я беру его за плечи, приподнимаю, прижимаю к себе. Он тяжелый, почти мертвый, но я держу. Качаю, как ребенка, глажу по волосам и шепчу. Про то, как испугалась, когда увидела его на крыльце. Про то, как метка горела, когда он звал. Про то, что я никогда в жизни не чувствовала ничего подобного.

— Ты сделал меня живой, — говорю я в его волосы. — За два дня. Ты сломал всё, что я строила три года, и я... я благодарна тебе. Потому что я не знала, что можно так. Что можно чувствовать так, что сердце разрывается. Что можно бояться потерять человека, которого знаешь всего два дня.

Я целую его в лоб, закрываю глаза и замираю.

И чувствую.

Его сердце. Оно бьется ровнее. Сильнее. И дыхание — раньше я почти не слышала его, а теперь оно стало глубже. Я открываю глаза и смотрю на его лицо.

Пальцы. Его пальцы шевелятся. Сжимают край одеяла.

— Азар? — шепчу я, боясь поверить. — Азар, ты слышишь меня?

Он не открывает глаза. Но губы двигаются. Без звука, одними движениями. Я наклоняюсь ближе, ловлю каждое.

«Ксена».

Я рыдаю. Снова. Но на этот раз от облегчения. Сжимаю его в объятиях, целую лицо, щеки, глаза, губы. Он жив. Он вернулся. Он здесь, в моих руках, и сердце бьется под моими

руками.

— Я здесь, — шепчу я. — Я никуда не уйду. Я буду здесь. Всегда.

Я ложусь рядом с ним на полу, прижимаюсь к его неободранному боку, кладу голову на плечо. Его рука обнимает меня — слабо, едва ощутимо, но обнимает. И мы лежим так, в тишине, в крови, в слезах.

Он жив.

Истинная связь не дала ему умереть. Или я не дала. Я не знаю, как это работает. Я знаю только одно — теперь я никогда его не отпущу. Клятва, Влад, законы — всё это не важно. Потому что без него я не живу.

Я закрываю глаза и чувствую, как его дыхание выравнивается. Как пульс становится сильнее. Как тело согревается под моими руками.

— Спи, — шепчу я. — Я посторожу.

И в тишине дома, где пахнет кровью и лесом, я держу его за руку и смотрю, как рассвет пробивается сквозь шторы. Живой. Он живой. И пока я здесь, никто не посмеет забрать его у меня.

Глава 13.

Азар

Сознание возвращается медленно, вязко, как сквозь толщу ледяной воды.

Я не понимаю, где я. Не понимаю, жив ли. Вокруг темнота, и в этой темноте нет боли — только пустота. Может быть, это смерть. Может быть, я всё-таки истек кровью на крыльце, и теперь мой дух блуждает где-то между мирами.

Я слышал об этом. Оборотни, которые умирают с тоской по истинной, иногда застревают в этом промежутке. Не могут уйти, не могут вернуться. Вечность между.

Я открываю глаза.

Серый свет. Шторы. Знакомый потолок. Гостиная Влада. Я лежу на полу, на чем-то мягком, и всё тело ноет глухой, тянущей болью. Но я жив. Я дышу. Я...

Я чувствую её.

Запах — сладкий, горьковатый, мой. Он везде. Он внутри меня. Он настолько близко, что я почти задыхаюсь от счастья. Я поворачиваю голову, и сердце пропускает удар.

Ксена спит рядом.

Она свернулась калачиком на том же одеяле, вжавшись в мой бок. Её голова лежит у меня на плече, рука — на груди, прямо над сердцем. Волосы рассыпались по моей руке, по одеялу, по полу. Лицо спокойное, но я вижу следы слез —

дорожки на щеках, распухшие веки.

Она плакала из-за меня.

Я смотрю на неё и чувствую, как внутри поднимается что-то огромное, неподъемное. Счастье. Чистое, острое, почти болезненное. Она здесь. Она рядом. Она не ушла, не испугалась, не бросила.

Моя истинная.

Я поднимаю руку — медленно, потому что плечо пронзает болью, но я должен. Мне нужно коснуться её. Убедиться, что она настоящая, что это не предсмертный морок.

Пальцы касаются её волос. Мягкие, шелковистые. Я провожу по ним, задерживаясь на виске, спускаюсь к щеке. Кожа тёплая, живая. Она вздыхает во сне, прижимается ближе, и моё сердце переворачивается.

Я жив. Она жива. Мы вместе.

Я глажу её лицо — осторожно, как самое хрупкое сокровище. Обвожу пальцем линию скулы, спускаюсь к губам. Чуть приоткрыты, дышат ровно. Вчера они шептали моё имя. Я помню. Сквозь боль, сквозь тьму, сквозь умирающее тело — я помнил её голос.

Она звала меня. Она держала меня. Она не дала уйти.

Я закрываю глаза и прислушиваюсь к себе. Тело ноет, но регенерация работает — я чувствую, как стягиваются края ран, как срастаются мышцы. Медленно. Слишком медленно для оборотня. Я потерял много крови, слишком много. Но я жив. И через пару дней буду на ногах.

Главное — она рядом.

Я снова смотрю на Ксену. Спящая, она кажется ещё младше, ещё беззащитнее. Ресницы дрожат, будто ей снится что-то тревожное. Я глажу её по голове, и она успокаивается, выдыхает ровнее.

Боги. Как я мог прожить без неё двадцать восемь лет? Как я дышал, ел, спал, не зная, что где-то есть она? Что где-то ждёт женщина с серо-зелеными глазами и запахом полыни?

Я не знаю. И знать не хочу. Теперь она здесь. И я никогда её не отпущу.

Я лежу и смотрю на неё. Считаю ресницы, рассматриваю родинку над губой, линию подбородка. Она красивая. Не той яркой, кричащей красотой, от которой сходят с ума на одну ночь. А другой — настоящей, глубокой, от которой сходят с ума навсегда.

Я глажу её плечо, спускаюсь к руке, нахожу метку. Провожу пальцем по серебристому узору, и она вздрагивает во сне, открывает глаза.

Серо-зеленые, мутные со сна, смотрят на меня. В них страх, непонимание, а потом — узнавание. И такой взрыв радости, что я не успеваю ничего сказать.

— Азар! — она вскидывается, садится, и её ладони ложатся на мои щеки. — Ты жив! Ты живой!

— Живой, — улыбаюсь я, и улыбка выходит кривой, потому что плечо болит, но мне плевать. — Я же обещал.

— Ты был почти мертв! Я думала... я думала, ты не оч-

нешься...

Она плачет. Снова. Но сейчас это слёзы облегчения, я чувствую — они пахнут солью и надеждой. Я вытираю их пальцами, но она перехватывает мою руку и прижимается к ней губами.

— Не смей больше так, — говорит она, и в голосе появляются строгие нотки. — Слышишь? Никогда. Если ты умрешь, я...

— Не умру, — я тянусь к ней, но она сама наклоняется и начинает целовать моё лицо. Лоб, щеки, нос, подбородок. Быстро, жадно, будто проверяя, что я настоящий.

— Ксена, — смеюсь я, потому что щекотно, потому что счастье распирает грудь так, что она трещит по швам. — Ксена, остановись.

— Не хочу, — бормочет она между поцелуями. — Я думала, ты умер. Я думала, ты не вернешься. Я сидела в спальне и думала, что моя жизнь кончилась, даже не начавшись.

Я беру её лицо в ладони, останавливаю этот поток нежности.

— Началась, — говорю я серьёзно. — Наша жизнь только началась, Ксена. Слышишь? Я найду способ. Я сниму эту клятву. Мы будем вместе.

— Я знаю, — шепчет она. — Я верю тебе.

Она утыкается лицом мне в шею, и я чувствую, как её дыхание согревает кожу. Обнимаю здоровой рукой, прижимаю к себе. Мы лежим так, и я считаю удары её сердца. Ровные, спокойные. Живые.

— Нужно сменить повязки, — говорит она вдруг, поднимая голову. — Ты весь в бинтах, и они уже пропитались.

— Не надо.

— Надо, — она уже встаёт, и я смотрю на неё снизу вверх. Растрёпанная, в свитере, испачканном моей кровью, с красными глазами. Самая красивая женщина в мире. — Ты истекал кровью, Азар. Раны глубокие. Я не знаю, как вы,оборотни, заживаете, но повязки нужно менять, чтобы не было заражения.

— У нас хорошая регенерация, — говорю я, но она уже тащит аптечку.

Глава 14.

Азар

Она садится рядом, начинает разматывать бинты. Я смотрю на её руки — они дрожат, но движения уверенные. Она справляется. Моя маленькая, моя смелая.

— Больно? — спрашивает, когда открывается рана на плече.

— Нормально, — вру я.

— Врёшь, — она поднимает на меня глаза, и в них — знание. — Я чувствую. Когда тебе больно, мне тоже больно.

— Это связь, — говорю я. — Истинная. Чем сильнее она становится, тем больше мы чувствуем друг друга.

— Значит, мне всегда будет больно, если ты ранен?

— Я постараюсь не раниться.

— Постарайся, — она улыбается сквозь слёзы и накладывает новую повязку. Аккуратно, старательно. Потом переходит к груди, к бокам. Я смотрю на её склонённую голову и чувствую, как внутри разливается тепло.

— Ты делала это раньше? — спрашиваю я.

— Нет. Влад никогда не приходил домой раненым. Он говорил, что не хочет меня пугать.

Я молчу. Не потому что ревную — ревность сейчас была бы глупостью. Просто думаю о том, как она жила эти три года. В тепле, в заботе, но без настоящего. Без страха, без бо-

ли, без этого безумного, всепоглощающего чувства, которое заставляет сердце биться так, что оно выпрыгивает из груди.

Бедная моя девочка. Она не знала, что такое жить по-настоящему.

Теперь узнает.

— Готово, — она откидывается назад, осматривает свою работу. — Я не знаю, правильно ли... может, нужно было в больницу...

— В больницу оборотню с рваными ранами? — усмехаюсь я. — Нас там не очень любят.

— Глупости.

— Правда. Люди боятся нас, Ксена. И правильно делают. Она смотрит на меня долго, потом качает головой.

— Я не боюсь.

— Ты истинная. Ты не можешь бояться. Это биология.

— Азар?

— М?

— Ты голодный?

Я замираю. А потом смеюсь — громко, от души, чувствуя, как вибрирует грудь, как отзываются болью ребра, но мне всё равно.

— Очень, — отвечаю я. — Умираю с голоду.

— Не смей говорить слово «умираю», — она строго поднимает палец и идёт на кухню.

Я провожаю её взглядом. Она двигается быстро, уверенно, будто всю жизнь заботилась о раненых оборотнях. Я слышу,

как хлопает дверца холодильника, как стучит нож по разделочной доске, как шипит масло на сковороде.

Запах жареного мяса наполняет дом, и я закрываю глаза от удовольствия. Не потому что голоден — хотя и это тоже. А потому что этот запах, эти звуки, эта женщина на кухне... это дом. Настоящий дом. Которого у меня никогда не было.

Она возвращается с тарелкой. Большие куски мяса, прожаренные с кровью, и хлеб, и стакан воды.

— Садиться не могу, — говорю я виновато. — Сил нет.

— Я покормлю, — она садится рядом, подкладывает подушки мне под спину, режет мясо на кусочки и подносит к моим губам.

Я смотрю на неё и чувствую, как горло сжимается от нежности. Моя Ксена. Моя истинная. Она кормит меня с рук, и в её глазах — забота и любовь, такая чистая, что я почти не верю, что заслужил её.

— Вкусно? — спрашивает она.

— Лучшее мясо в моей жизни.

— Врёшь.

— Не вру, — жую, и правда чувствую, как силы возвращаются. Регенерация ускоряется — оборотням нужно много белка, чтобы восстанавливать ткани. — Ты спасла мне жизнь, Ксена.

— Я просто перевязала раны.

— Ты не дала мне умереть, — я ловлю её руку, целую пальцы. — Я чувствовал. Когда был в темноте, когда не мог

двигаться — я слышал твой голос. Ты звала меня. И я вернулся.

Она краснеет. Отводит глаза.

— Я думала, с ума схожу, — шепчет. — Метка пульсировала, и мне казалось, что ты зовешь. А потом я выбежала, а ты... ты лежал на крыльце...

— Я дополз, — говорю я. — Хотел достучаться, но сил не было.

— Дурак, — она шмыгает носом. — Дурак, Азар. Зачем ты пошел один? Зачем не взял меня? Я бы...

— Что бы ты сделала? — я смотрю на неё мягко. — Это волчья война, Ксена. Не твоя. Я не мог рисковать тобой.

— А собой рисковать мог?

— За себя я не боюсь.

— А я боюсь, — она смотрит мне прямо в глаза, и в её взгляде — сталь. — Я боюсь за тебя, Азар. И если ты ещё раз сделаешь что-то подобное, я... я не знаю, что я сделаю. Но тебе не понравится.

Я смеюсь. Снова. И от смеха болят рёбра, и кружится голова, но я не могу остановиться. Потому что она стоит передо мной, вся в моей крови, с растрёпанными волосами, и угрожает мне. Моя маленькая, моя смешная, моя любимая.

— Хорошо, — говорю я, когда смех стихает. — Обещаю больше не умирать.

— И не раниться.

— И не раниться без крайней необходимости.

— Азар!

— Ладно-ладно, — я беру её за руку, притягиваю к себе. Она упирается, но потом сдается, ложится рядом, прижимается щекой к моему здоровому плечу. — Постараюсь быть осторожнее.

— Постарайся, — бормочет она. — А теперь ешь. Тебе нужно восстанавливаться.

Снова садится.

Я ем. Она кормит меня, и я смотрю на неё, и чувствую, как сердце наполняется чем-то таким огромным, что в груди становится тесно. Любовь. Я не знал, что это чувство бывает настолько сильным. Что оно может заполнить всё — каждую клетку, каждую мысль, каждый вздох.

— Ксена, — зову я, когда тарелка пустеет.

— М?

— Ты самая лучшая. Знаешь?

Она смущается. Отворачивается, поправляет волосы.

— Я просто...

— Самая лучшая, — повторяю я. — Я ждал тебя всю жизнь. И теперь, когда ты у меня есть, я не отпущу. Никогда.

Она смотрит на меня. В её глазах — страх и надежда, боль и счастье. Всё вместе.

— А Влад? — шепчет она.

Я замираю. Вопрос повисает в воздухе, тяжёлый, как камень.

— Я найду способ, — говорю я. — Клянусь тебе. Я най-

ду отшельника, я узнаю, как разорвать клятву. И мы будем вместе.

— А если не найдешь?

— Найду. — Я сжимаю её руку. — Я не могу потерять тебя, Ксена. Я только что нашёл.

Она молчит. Потом кивает.

— Хорошо, — говорит тихо. — Я буду ждать.

Я притягиваю её к себе, целую в макушку. Мы лежим на полу в гостиной, в доме брата, в крови и бинтах, и я чувствую себя счастливее, чем когда-либо в жизни.

Потому что она здесь. Потому что она моя. Потому что теперь у меня есть ради чего жить.

Глава 15.

Ксена

Два дня — как долгий, тягучий сон, из которого не хочется просыпаться.

Я просыпаюсь каждый раз в его руках. Азар спит чутко, по-звериному — я чувствую это по тому, как меняется его дыхание, когда я шевелюсь. Но он не отпускает. Даже во сне его руки тянутся ко мне, прижимают, обнимают.

Регенерация у оборотней — это что-то невероятное. На второй день раны затянулись, на третий — только розовые шрамы напоминают о том, что Азар был на волосок от смерти. Он уже быстро двигается, и ест за троих, и смотрит на меня так, что у меня подкашиваются колени.

Мы почти не выходим из дома. Я отпросилась с работы — сказалась больной. Азар сидит на кухне, пока я готовлю, и рассказывает истории о своей жизни. О стае, о лесах, о том, как он впервые обратился в волка в четырнадцать лет и перепугал всю деревню.

— Я выскочил из леса прямо на дорогу, — смеется он, откидываясь на спинку стула. — Бабка с козой чуть инфаркт не получила. А отец потом полгода извинялся.

Я смеюсь вместе с ним. В эти моменты он кажется мальчишкой — открытым, светлым, беззащитным. Я вижу того Азара, который прячется за жесткой оболочкой оборотня, и

мое сердце сжимается от нежности.

Вечерами мы лежим на диване в гостиной. Я читаю книгу, он кладет голову мне на колени, и я перебираю его волосы. Иногда он закрывает глаза и затихает, и я думаю, что он спит. Но потом его рука находит мою, и он говорит что-нибудь тихое, отчего я краснею.

— Ты красивая, когда читаешь.

— Я всегда красивая.

— Скромности тебе не занимать.

— А зачем мне скромность? — я смотрю на него сверху вниз. — Я твоя истинная. Я могу быть любой.

Он улыбается. Той улыбкой, от которой у меня замирает сердце.

— Любой. Будь любой. Я все равно с ума схожу.

В эти два дня я почти забыла о Владе. Почти. Иногда, когда я прохожу мимо его вещей, когда вижу его кружку на кухне, когда натыкаюсь взглядом на его фотографию на полке — меня пробивает дрожью. Стыд? Страх? Я не знаю. Я просто отворачиваюсь и иду к Азару. Потому что с ним я не чувствую вины. Только правильность. Только покой.

Но покой не может длиться вечно.

Это случается на третий день, ближе к вечеру.

Мы сидим в гостиной. Азар только что вернулся из душа. Он садится рядом, обнимает меня за плечи, прижимает к себе. Я чувствую запах его шампуня и теплую кожу.

— Что ты хочешь делать, когда всё это закончится? —

спрашиваю я, положив голову ему на грудь.

— Взять тебя за руку и уйти, — отвечает он просто. — Далеко. Туда, где нет стай, где нет клятв. Где есть только мы.

— И что мы там будем делать?

— Жить, — он целует меня в макушку. — Просто жить, Ксена. Дышать. Смотреть, как ты готовишь завтрак. Слушать, как ты смеешься. Стареть вместе.

— Оборотни не стареют.

— Для тебя состарюсь, — он улыбается. — Я хочу быть с тобой всегда. В любом обличье.

Я поднимаю голову и смотрю на него. Он красивый. Такой красивый, что у меня перехватывает дыхание. Я тянусь к его губам, и он наклоняется навстречу...

Хлопает дверь.

Я не слышала машину. Азар тоже — я вижу по тому, как он замирает, как расширяются его зрачки. Мы оба поворачиваем головы к входной двери.

Влад стоит на пороге гостиной.

Он смотрит на нас. На Азара, который сидит слишком близко. На меня, которая лежит в его объятиях. На наши лица, которые еще хранят отголоски нежности.

Тишина звенит, как натянутая струна.

— Влад, — я вскакиваю, отшатываясь от Азара. Сердце колотится где-то в горле. — Ты... ты рано.

— Вижу, — голос Влада низкий, ровный. Слишком ровный. В нем нет эмоций, и это страшнее крика.

Азар медленно поднимается с дивана. Не спешит, не оправдывается. Просто встает, оказываясь между мной и братом.

— Влад, — говорит он спокойно. — Я объясню.

— Объяснишь? — в голосе Влада появляются первые нотки рыка. — Объяснишь, почему ты обнимаешь мою женщину? Почему она смотрит на тебя так, как никогда не смотрела на меня?

— Влад, послушай...

— Я чувствую, Азар. — Влад делает шаг вперед. Я вижу, как дрожат его руки, как меняется лицо — черты заостряются, глаза становятся желтыми. Зверь выходит наружу. — Я чую её запах на тебе. И твой — на ней. Вы...

Он замолкает. Я вижу, как его взгляд падает на мое запястье. На метку. Серебристый узор пульсирует, и я не могу это скрыть.

— Что это? — шепчет Влад.

— Влад, — я делаю шаг к нему, но Азар перехватывает меня, удерживает за спиной.

— Не подходи, — говорит он тихо, и в его голосе я слышу то же, что и в голосе Влада. Зверя.

— Что это, Ксена? — Влад смотрит на меня поверх плеча брата. В его глазах — боль. Такая, что у меня разрывается сердце. — Отвечай.

— Истинная связь, — говорит Азар вместо меня. — Она моя истинная, Влад. С первого взгляда. С первого вдоха.

Тишина взрывается.

Влад с рыком бросается вперед.

Глава 16.

Ксена

Я не успеваю вскрикнуть — Азар уже встречает его, сцепляется, и они валятся на пол, круша мебель. Журнальный столик летит в стену, чашки разбиваются, книги падают с полок.

— Азар! Влад! — кричу я, но они не слышат.

Они катаются по полу, нанося удары. Влад тяжелее, но Азар быстрее — я вижу, как он уворачивается, как блокирует, как бьет в ответ. Но он только что оправился от ран, он слабее, и Влад это чувствует.

— Ты знал! — рычит Влад, наваливаясь на брата. — Ты знал и не сказал!

— Я не выбирал! — Азар сбрасывает его, вскакивает. — Она моя истинная, Влад! Я не выбирал это!

— Она моя! Она связана клятвой! Она моя!

Они вылетают в прихожую. Я бегу за ними, кричу, чтобы остановились, но они не слышат. Влад хватается Азара за грудки, швыряет на стену. Азар отлетает, но удерживается на ногах, и в его глазах я вижу то, что заставляет мое сердце замереть — он готов убивать. За меня.

— Влад, прекрати! — я хватаю его за руку. Он отшвыривает меня — не больно, но я падаю на пол, ударяюсь спиной о косяк. Боль вспыхивает, но я не чувствую её.

— Ксена! — Азар бросается ко мне, но Влад преграждает путь.

— Не трогай её, — рычит он. — Не смей к ней прикасаться.

— Она моя истинная, — Азар смотрит на брата, и в его голосе — железо. — Ты можешь убить меня, но это не изменится. Она будет моей, пока я жив.

Влад смотрит на него. Долго. Тяжело. Я вижу, как в его глазах борются зверь и человек. Как он сжимает кулаки, как ноздри раздуваются, втягивая запахи.

— Выйдем, — говорит Влад глухо. — На улицу.

— Влад, не надо, — шепчу я, поднимаясь с пола. — Пожалуйста...

— Это не твое дело, Ксена, — он даже не смотрит на меня. Только на брата. — Это дело волков. Решается по-волчьи.

Азар кивает. Я вижу, как он сбрасывает рубашку, оставшись в одних джинсах. Шрамы на плече еще розовые, свежие. Он слабее. Он проиграет.

— Азар, не смей! — я бросаюсь к нему, хватаю за руку. — Ты еще не восстановился, он убьет тебя!

— Не убьет, — он смотрит на меня, и в его глазах — спокойствие. — Я обещал вернуться.

— Ты не можешь драться с ним! Он твой брат!

— Он встал между мной и моей истинной, — Азар берет мое лицо в ладони, целует в лоб. — Я не отступлюсь.

— Азар...

— Иди в дом, Ксена. Не смотри.

Я мотаю головой. Но он уже разворачивается и выходит на крыльцо. Влад ждет во дворе, освещенный уличным фонарем. Сбрасывает куртку, стягивает футболку.

Они смотрят друг на друга. Братья. Оба высокие, сильные, опасные. Оба — волки, готовые рвать глотки.

Я стою на крыльце, и ветер треплет мои волосы. Не могу уйти. Не могу смотреть. Не могу закрыть глаза.

— Если ты ранишь её — я убью тебя, — голос Влада низкий, рычащий.

— Я никогда не причиню ей боль, — отвечает Азар.

— Ты уже причинил. Ты пришел и разрушил всё.

— Я пришел к брату. Я не знал, что она здесь. Но теперь знаю. И не отступлю.

Влад с рывком оборачивается.

Я вижу это впервые так близко — превращение. Кости ломаются, перестраиваются, тело покрывается шерстью. Это страшно. Это красиво. Это первобытный ужас, от которого кровь стынет в жилах.

Через секунду на месте Влада стоит огромный серый волк. Глаза горят желтым, пасть оскалена, шерсть на загривке стоит дыбом.

Азар смотрит на него. Делает глубокий вдох. И тоже оборачивается.

Его волк крупнее, чем я ожидала — почти такой же, как у Влада, но шерсть темнее, почти черная. Он встряхивается, и

я вижу шрамы на боку — свежие, еще не заросшие шерстью. Он слабее. Он ранен. Он...

Они бросаются друг на друга.

Звуки стоят такие, что я зажимаю уши. Рычание, визг, лязг клыков. Два огромных зверя сцепились в смертельной схватке, и я ничего не могу сделать. Я стою на крыльце, дрожу от холода и страха, и молюсь всем богам, чтобы они остановились.

Ключья шерсти летят в воздухе, смешиваясь с кровью. Я вижу, как Влад вцепляется Азару в плечо — в то самое, раненое. Азар воет от боли, но не отступает, бьет лапой по морде брата, сбивает с ног.

Они катаются по земле, оставляя кровавые следы. Я не знаю, чья это кровь. Или их обоих.

— Остановитесь! — кричу я, но голос тонет в рычании. — Пожалуйста, остановитесь!

Они не слышат. Или слышат, но не могут остановиться. Это не просто драка — это спор зверей за право обладать. За территорию. За истинную.

Влад подминает Азара под себя, вцепляется в горло. Я вижу, как Азар задыхается, как слабеет его хватка. Сердце останавливается.

— Нет! — я слетаю с крыльца, бегу к ним, не думая. — Влад, отпусти! Отпусти его!

Я хватаю Влада за шерсть, тяну, бью по морде. Он скалится на меня, и на секунду мне кажется, что он убьет и меня.

Но в желтых глазах мелькает узнавание. Человек побеждает зверя.

Влад отпускает Азара. Отступает на шаг, тяжело дыша. Смотрит на меня. Потом на брата, который лежит на земле, хватая ртом воздух.

Я падаю на колени рядом с Азаром. Глажу его морду, проверяю шею — кровь есть, но горло цело. Он жив. Он дышит.

— Азар, — шепчу я. — Азар, ты слышишь меня?

Он оборачивается. Я смотрю, как кости ломаются, как возвращается человеческое тело. Азар лежит на земле, голый, в крови, но живой.

— Я в порядке, — хрипит он. — Я в порядке.

Я рыдаю, прижимая его к себе. Над нами стоит Влад — уже человек, в одних джинсах, весь в царапинах и укусах. Смотрит на нас. И в его глазах я вижу то, что страшнее ненависти.

Пустоту.

— Уведи его в дом, — говорит он глухо. — И не выходите.

— Влад...

— Иди, Ксена! — он отворачивается. — Я не хочу видеть вас сейчас. Обоих.

Я помогаю Азару подняться. Он опирается на меня, и мы медленно идем к дому. У крыльца я оборачиваюсь.

Влад стоит посреди двора, голый по пояс, и смотрит на лес. В его позе — столько боли, что у меня сжимается сердце. Я причинила эту боль. Я.

— Ксена, — шепчет Азар. — Идем.

Я завожу его в дом. Закрываю дверь. И остаюсь стоять в прихожей, слушая, как за окном воет ветер. Или волк. Я уже не различаю.

Глава 17.

Ксена

Дверь за нами закрывается с глухим стуком, и я прислоняюсь к ней спиной, пытаюсь отдышаться. Сердце колотится где-то в горле, руки дрожат, перед глазами всё плывет. Азар стоит рядом, опираясь на стену — тяжело дышит, прижимает ладонь к шее, где остались следы от зубов Влада.

— Ты как? — выдыхаю я, протягивая к нему руки.

— Жить буду, — хрипит он. Губы кривятся в попытке улыбнуться, но улыбка выходит болезненной. — Регенерация уже работает.

Я вижу, как розовые рубцы на его плече начинают светлеть прямо на глазах. Оборотни заживают быстро, но то, что произошло во дворе... это было не просто дракой. Это была война на уничтожение. Брат против брата.

Из-за меня.

Мысль обжигает, и я отшатываюсь от Азара, прижимаю ладони к лицу. В голове — каша из картинок: желтые глаза Влада, его рык, его боль. Азар, падающий на землю, захлебывающийся собственной кровью. Я, стоящая между ними.

— Ксена, — Азар делает шаг ко мне, но я отступаю.

— Не подходи.

— Ксена...

— Не подходи ко мне! — голос срывается на крик, и я

сама пугаюсь этого звука.

Он замирает. Смотрит на меня, и в его глазах — боль. Такая же, как у Влада. И от этого мне хочется разрыдаться еще сильнее.

— Я разрушила всё, — шепчу я. — Вашу семью, его жизнь, всё. Если бы я не... если бы мы не...

— Если бы мы не были истинными? — Азар говорит это спокойно, но я чувствую сталь в голосе. — Ты думаешь, это выбор? Думаешь, я захотел влюбиться в женщину брата? Что я проснулся однажды утром и решил разрушить его жизнь?

— Ты не знал...

— Я не знал, что где-то живет моя истинная? — Азар усмехается, и в этой усмешке столько горечи, что у меня перехватывает дыхание. — Я не знал, что она вообще существует. Но когда я увидел тебя, Ксена, мир перестал существовать. Ты для меня — центр всего. И я не могу это изменить. Даже если бы захотел.

Он подходит ближе, и я не отступаю. Его руки ложатся на мои плечи, пальцы сжимаются, но не больно — бережно, почти невесомо.

— Посмотри на меня, — просит он.

Я поднимаю глаза. В его взгляде — тоска, отчаяние и нежность, переплетенные в один тугой узел.

— Ты не разрушила ничего, — говорит он тихо. — Влад и я... мы всегда были разными. Рано или поздно это привело бы к драке. Просто теперь у нас есть настоящая причина.

— Ты говоришь так, будто это оправдание.

— Нет, — он качает головой. — Я говорю, что это реальность. Мы не выбираем, кого любить. Мы можем только выбирать, как с этим жить.

Я смотрю на него и чувствую, как внутри что-то обрывается. Слезы, которые я сдерживала, наконец прорываются, и я плачу — громко, навзрыд, уткнувшись лицом в его грудь. Азар обнимает меня, прижимает к себе, и я чувствую, как дрожит его тело. От слабости? От напряжения? От того, что он тоже на пределе?

— Что теперь будет? — шепчу я в его кожу.

— Теперь... — он замолкает, гладит меня по волосам. — Влад вернется. Он не уйдет насовсем. Это его дом, его территория. И он не отпустит тебя просто так.

— Он убьет тебя.

— Не убьет, — в голосе Азара появляется уверенность. — Он мой брат. Он зол, он в ярости, но он не убийца. Тем более — братоубийца.

— А если зверь возьмет верх?

Азар не отвечает. И это молчание страшнее любых слов. Мы стоим в прихожей, прижавшись друг к другу, и я слушаю, как за окном воет ветер. Или волк. Я больше не знаю. Влад возвращается через час.

Я слышу шаги на крыльце, но не двигаюсь. Сажусь на диване в гостиной, вцепившись в руку Азара, который лежит рядом, прикрыв глаза. Он не спит — я чувствую это по на-

пржению в его теле. Он тоже ждет.

Дверь открывается. Влад входит, и я вижу, что он оделся — натянул ту же футболку, что была на нем до драки. На лице — засохшая кровь, но раны уже затянулись. Оборотни.

Он останавливается на пороге гостиной и смотрит на нас. Долго. Тяжело. Потом переводит взгляд на меня, и я не выдерживаю — опускаю глаза.

— Ксена, — голос Влада глухой, безжизненный. — Иди в спальню. Мне нужно поговорить с братом.

Я поднимаю голову, смотрю на него. Хочу возразить, сказать, что не оставлю Азара одного, но Влад меня опережает:

— Я не трону его. Даю слово.

Я смотрю на Азара. Он кивает — едва заметно, но я вижу. Отпускает мою руку.

Я встаю и иду к выходу из гостиной. У двери останавливаюсь, оборачиваюсь. Влад стоит напротив Азара, и они смотрят друг на друга. Два оборотня. Два брата. Два мужчины, которые делят одну женщину.

Я выхожу в коридор и закрываю за собой дверь. Не ухожу — прижимаюсь ухом к щели, слушаю. Сердце колотится так, что я почти не слышу слов.

— Ты знал, — голос Влада глухой, с рычащими нотками. — Знал с первого дня.

— Знал, — отвечает Азар спокойно.

— И молчал.

— Что я должен был сказать? «Привет, брат, твоя женщи-

на — моя истинная, отдай её мне»? — В голосе Азара появляется горечь. — Ты бы меня убил на месте.

— Я и сейчас убью.

— Убей, — Азар усмехается, и у меня внутри всё холодеет. — Убей, и твоя клятва убьет её. Она связана с тобой, Влад. Если я умру, это не разорвет вашу связь. Она останется с тобой, но будет ненавидеть тебя каждый день. Ты этого хочешь?

Тишина. Такая тяжелая, что мне кажется — стены сейчас рухнут.

— Что ты предлагаешь? — голос Влада звучит тише.

— Я найду выход, — Азар говорит быстро, будто боится, что брат перебьет. — Есть слухи об отшельнике, который знает всё о клятвах и истинной связи. Я найду его. Я узнаю, можно ли разорвать вашу клятву без смерти.

— А если нельзя?

— Если нельзя... — Азар замолкает. Я слышу, как он вздыхает. — Тогда мы решим, что делать. Но я не сдамся, Влад. Она моя истинная. Я не могу её отпустить.

— А я не могу её отдать, — голос Влада срывается на рык. — Она моя, Азар. Я спас её. Я дал ей кров, защиту, жизнь. Три года. Три года я был рядом, а ты пришел на два дня — и всё разрушил.

— Я не разрушал, — Азар говорит спокойно, но я чувствую, как он сдерживает зверя. — Я просто пришел. Всё остальное сделала природа.

— Природа, — Влад усмехается. — Ты думаешь, мне легче от того, что это не твой выбор? Думаешь, я не чувствую, как она смотрит на тебя? Как она пахнет, когда ты рядом? Она никогда так не пахла со мной. Никогда.

В его голосе столько боли, что я зажимаю рот рукой, чтобы не закричать. Я причинила эту боль. Я. Своим молчанием, своей ложью, своей слабостью.

— Влад, — голос Азара становится мягче. — Я не хотел тебя ранить. Ты мой брат. Я люблю тебя.

— Любишь? — Влад смеется, и этот смех звучит как рыдание. — Ты любишь меня, но крадешь мою женщину. Ты любишь меня, но смотришь на неё так, что мне хочется вырвать себе глаза. Ты любишь меня, Азар?

— Да, — отвечает Азар просто. — Люблю. И поэтому не буду врать, что могу её забыть. Не могу. Но я сделаю всё, чтобы найти выход. Чтобы ты не потерял её и себя. Чтобы мы остались братьями.

Молчание. Долгое, тягучее. Потом шаги. Я отшатываюсь от двери, но она открывается, и я вижу Влада. Он проходит мимо, не глядя на меня. Идет к входной двери, накидывает куртку.

— Влад, — зову я. — Влад, пожалуйста...

Он останавливается. Стоит ко мне спиной, и я вижу, как напряжены его плечи.

— Я не злюсь на тебя, Ксена, — говорит он глухо. — Я злюсь на себя. Я знал, что ты не моя истинная. Знал, что

клятва — это ловушка. Но я думал, что смогу сделать тебя счастливой. Думал, что любовь — это выбор. Я ошибался.

— Влад...

— Я уезжаю, — он открывает дверь. — На несколько дней. Вам нужно уйти до моего возвращения. Обоим.

— Влад, пожалуйста, не уходи, — я делаю шаг к нему, но он поднимает руку, останавливая меня.

— Не могу сейчас на вас смотреть, — говорит он, и в его голосе — такая усталость, что у меня разрывается сердце. — Не могу. Просто... уйдите. Я позвоню, когда смогу говорить.

Дверь закрывается. Я слышу, как заводится машина, как хрустит гравий под колесами. А потом — тишина.

Я стою в коридоре одна, смотрю на закрытую дверь, и не чувствую ничего, кроме пустоты.

Азар выходит из гостиной. Подходит ко мне, берет за руку. Его пальцы холодные, но он сжимает мои, и это единственное, что удерживает меня от падения.

— Я увезу тебя, — говорит он тихо. — Завтра мы уедем отсюда, Ксена.

— Куда?

— К отшельнику. Будем искать его, — в его голосе сталь. — Я обещал найти выход, и я найду.

Я поворачиваюсь к нему, смотрю в серые глаза. В них — решимость, страх и надежда. Всё вместе.

— А если не найдешь?

— Мы вместе найдем, — он притягивает меня к себе, об-

нимает, утыкается носом в мои волосы. — Я не могу тебя потерять, Ксена. Ты — моя жизнь. И я готов бороться за тебя. С кем угодно. Даже с братом.

Я закрываю глаза и чувствую, как по щекам текут слезы. Слишком много за один день. Слишком много боли, слишком много правды.

Но в его объятиях я не боюсь. Даже когда всё рушится вокруг.

— Хорошо, — шепчу я.

Глава 18.

Азар

Влад уехал. Я слышу, как затихает звук мотора, как пустота заполняет дом, оставляя только нас. Ксену и меня.

Она стоит в коридоре, прижавшись спиной к стене, и смотрит на дверь, за которой исчез брат. Её лицо бледное, глаза красные, губы дрожат. Я вижу, как она держится — из последних сил, чтобы не разрыдаться снова. Чтобы не рухнуть.

Я подхожу, беру её за руку. Пальцы ледяные, но она не отстраняется.

— Идём, — говорю я тихо. — Тебе нужно отдохнуть.

Она поднимает на меня глаза. В них — усталость, боль, но ещё что-то. Доверие. Она кивает, и я веду её по коридору.

В свою комнату.

Та, в которой я ночевал первые дни. Я открываю дверь, пропускаю её вперёд. Ксена входит, оглядывается, будто впервые здесь. Хотя была, когда я чуть не сорвался.

— Садись, — говорю я, указывая на кровать. — Я принесу воды.

— Азар, — она останавливает меня, касаясь руки. — Не уходи. Пожалуйста.

Я смотрю на неё. Стоит посреди комнаты, маленькая, хрупкая, потерянная. И я понимаю, что не могу её оставить.

Не сейчас. Не после всего, что случилось.

— Хорошо, — говорю я. — Не уйду.

Я подхожу, обнимаю её. Она прижимается ко мне, утыкается лицом в грудь, и я чувствую, как её тело расслабляется. Дрожь уходит, дыхание выравнивается.

— Я так устала, — шепчет она.

— Знаю, — я глажу её по волосам, спускаюсь к шее, к плечам. — Ложись.

Я укладываю её на кровать, ложусь рядом. Смотрю на неё. На светлые волосы, разметавшиеся по подушке. На губы, чуть припухшие от того, что она их кусала. На глаза — серо-зеленые, с золотыми крапинками, которые я вижу, только когда совсем близко.

— Азар, — зовёт она тихо.

— М?

— Поцелуй меня.

Я наклоняюсь. Не торопясь. Я хочу запомнить каждое мгновение — как она смотрит на меня, как её ресницы дрожат, как губы приоткрываются в ожидании.

Я целую её.

Медленно, нежно, пробуя на вкус. Она пахнет слезами и чем-то своим, невыразимо сладким. Её губы мягкие, податливые, и я чувствую, как она тает в моих руках.

— Ксена, — шепчу я, отрываясь от её губ. — Мы можем не торопиться. Если ты не готова...

— Я готова, — отвечает она, и в её голосе — уверенность,

которой не было минуту назад. — Я хочу тебя. Боюсь, но хочу.

— Чего ты боишься?

— Что это нам навредит, — она смотрит мне прямо в глаза. — Клятва, Влад, всё это... что если мы сделаем что-то непоправимое?

Я глажу её по щеке, провожу большим пальцем по нижней губе.

— Мы не сделаем ничего непоправимого, — говорю я. — Я не буду покрывать тебя. Не сегодня. Я хочу, чтобы всё было правильно. Чтобы первый раз, когда я войду в тебя, ты была свободна. Полностью. Без клятв, без чужих теней.

— Азар...

— Но я хочу тебя касаться, — мой голос становится ниже, в нём просыпается зверь. — Хочу целовать тебя, везде. Хочу чувствовать твою кожу, слышать твой голос. Хочу доставить тебе удовольствие. Можно?

Она смотрит на меня, и я вижу, как в её глазах разгорается что-то тёплое. Желание. Она кивает.

Я целую её снова. Глубже, настойчивее. Мои руки скользят под свитер, касаются кожи — горячей, нежной. Она выдыхает мне в губы, и этот звук заставляет зверя внутри меня завывать от нетерпения.

— Ксена, — шепчу я, отрываясь от неё. — Я сниму с тебя одежду. Хорошо?

— Да.

Я стягиваю с неё свитер медленно, наслаждаясь каждым открывающимся кусочком кожи. Она без лифчика — я чувствовал это и раньше, но видеть... Я провожу пальцами по ключицам, спускаюсь к груди. Она перехватывает мой взгляд, краснеет.

— Не смотри так, — шепчет.

— Как?

— Будто я... будто я...

— Будто ты самая красивая женщина в мире? — я наклоняюсь, целую её плечо, ключицу, ложбинку между грудями. — Это настоящая правда.

Она дрожит под моими губами, и я чувствую, как её тело откликается. Как соски твердеют, как дыхание учащается. Я беру её грудь в ладони, глажу большими пальцами, и она выгибается навстречу.

— Азар...

— Тише, — шепчу я. — Я здесь. Я никуда не уйду.

Я целую её грудь — медленно, смакуя. Сначала одну, потом другую. Она стонет — тихо, сдавленно, будто боится, что кто-то услышит. Но в доме никого. Только мы.

Я спускаюсь ниже. Целую живот, впадинку пупка, линию джинсов. Расстегиваю пуговицу, стягиваю ткань вместе с бельём. Ксена помогает, приподнимая бёдра, и я вижу её всю. От макушки до пят.

— Боги, — выдыхаю я. — Ты не представляешь, что ты со мной делаешь.

— Азар, мне стыдно...

— Не надо, — я целую внутреннюю сторону бедра, чувствую, как она вздрагивает. — Не надо стыдиться меня. Я хочу видеть тебя. Хочу чувствовать. Хочу...

Я развожу её ноги, и она не сопротивляется. Смотрит на меня, вцепившись в простыни, и в её глазах — желание и страх одновременно.

— Я не сделаю тебе больно, — обещаю я. — Только хорошо. Можно?

— Да, — шепчет она.

Я опускаюсь между её ног и целую. Впервые в жизни я благодарен своей волчьей природе за то, что чувствую её так остро — каждый вздох, каждое биение сердца, каждую каплю желания. Я веду языком по влажной плоти, и она выгибается, вцепляется в мои волосы.

— Азар!

Я не тороплюсь. Я пробую её на вкус, слушаю её стоны, чувствую, как её тело напрягается и расслабляется в такт моим движениям. Она пахнет мной — не меткой, нет, чем-то более древним. Моя. Моя истинная.

— Пожалуйста, — шепчет она, и я не знаю, о чём она просит — продолжать или остановиться. Я продолжаю.

Глава 19.

Азар

Я вхожу в неё пальцем, медленно, аккуратно. Она вскрикивает, сжимается вокруг, но я чувствую — ей не больно. Только хорошо. Слишком хорошо.

— Ещё, — шепчет она. — Пожалуйста, ещё.

Я добавляю второй палец, двигаю ими внутри неё, не переставая ласкать языком. Она стонет громче, и эти звуки пьянят сильнее любого вина. Я чувствую, как она близко — мышцы напрягаются, дыхание сбивается, сердце бьётся как бешеное.

— Азар, я...

— Давай, — шепчу я, не отрываясь. — Я здесь. Я держу тебя.

Она кончает с криком — моим именем. Её тело выгибается, пальцы впиваются в мои плечи, и я чувствую каждую пульсацию, каждый спазм. Она дрожит в моих руках, и я держу её, не отпускаю, целую внутреннюю сторону бёдер, живот, грудь, шею.

— Азар, — выдыхает она, когда судороги проходят. — Азар, это было...

— Это было только начало, — улыбаюсь я. — Я же говорил, что хочу доставить тебе удовольствие.

Она смотрит на меня, и в её глазах — благодарность и

что-то ещё. Желание. Она тянется ко мне, расстегивает мои джинсы, и я замираю.

— Ксена...

— Ты сделал мне хорошо, — говорит она, и её голос звучит увереннее, чем я ожидал. — Теперь я хочу сделать тебе.

— Тебе не нужно...

— Я хочу, Азар.

Я смотрю на неё, и понимаю, что отказать не могу. Не потому, что зверь внутри требует разрядки — хотя он воет от желания. А потому, что она хочет. Сама. По своей воле.

Она обхватывает меня рукой, и я зажмуриваюсь от этого прикосновения. Её ладонь мягкая, горячая, и каждое движение отдаётся во всём теле. Она изучает меня — медленно, неуверенно, но я не тороплю. Я позволяю. Я наслаждаюсь.

— Не бойся, — шепчу я. — Ты не сделаешь мне больно.

— Я никогда не делала этого раньше, — признаётся она.

— Тогда учись, — улыбаюсь я. — У тебя отличный учитель.

Она смеётся — тихо, счастливо, и этот смех лучше любого стога. Она двигает рукой быстрее, находит ритм, и я чувствую, как приближается пик. Слишком быстро. Слишком остро.

Я кончаю с её именем на губах, и мир взрывается искрами. Она смотрит на меня — испуганная, восхищённая, счастливая — и я чувствую, что люблю её. Так сильно, что это почти больно.

Мы лежим рядом, переплетённые, и я глажу её по спине, спускаясь к пояснице.

— Ты как? — спрашиваю я.

— Хорошо, — шепчет она. — Очень хорошо.

— Не жалеешь?

— Нет, — она поднимает голову, смотрит мне в глаза. — А ты?

— Я жалею только о том, что не могу сделать тебя полностью своей. — Я целую её в лоб. — Но скоро. Я обещаю.

Она кивает и снова укладывается мне на грудь. Я накрываю нас одеялом и слушаю, как её дыхание выравнивается. Засыпает.

Я не сплю. Я смотрю на неё, на её волосы, рассыпанные по моей руке, на родинку на плече, на полуприкрытые веки. И думаю о том, что отшельник — мой единственный шанс. Я должен найти его. Должен узнать, как разорвать клятву. Должен освободить её. И еще не понимаю одного — как же они спали с Владом? Он просто брал свое? Внутри меня разливается горечь..

Потому что я не смогу жить, зная, что она принадлежит другому. Даже если этот другой — мой брат.

Утром я просыпаюсь от запаха кофе. Ксена уже на кухне — я слышу, как она двигается, как ставит чашки, как напевает что-то тихо. Я улыбаюсь, сам не замечая.

Мы завтракаем, и всё кажется почти нормальным. Она смотрит на меня, и в её глазах — спокойствие. Первое спо-

койствие за эти дни. Я беру её за руку, глажу пальцы, и она улыбается.

— Что будем делать? — спрашивает она.

— Поедем, — я сжимаю её руку. — Я знаю одно место, с которого можно начать поиски отшельника. Это в пяти часах отсюда.

— А если его там не окажется?

— Будем искать дальше.

Она кивает. Мы собираемся недолго — у меня почти нет вещей, у Ксены — рюкзак с самым необходимым. Она оставляет записку для Влада — я не читаю её, это не моё.

Мы выходим на крыльцо, и я втягиваю воздух, проверяя, не вернулся ли брат. Нет. Только утренняя свежесть, запах хвои и она, рядом.

Мы идём к машине — моей старой, выдавшей виды, но надёжной. Я открываю дверь для Ксены, и она садится, улыбаясь.

— Как джентльмен, — говорит она.

— Я и есть джентльмен.

— Оборотень-джентльмен. Редкость.

Я смеюсь, обхожу машину, сажусь за руль. Завожу двигатель.

И в этот момент подъезжает Влад.

Его машина останавливается напротив, перекрывая выезд. Я сжимаю руль, чувствуя, как зверь внутри поднимает голову. Ксена рядом замирает, её лицо бледнеет.

Влад выходит. Он выглядит уставшим — глаза красные, под ними тени, будто не спал всю ночь.

— Влад, — начинаю я, но он поднимает руку.

— Я не драться, — говорит он глухо. — Я... поеду с вами. Я смотрю на него, не веря. Ксена переводит взгляд с меня на него, с него на меня.

— Что? — выдыхаю я.

— Я поеду с вами искать отшельника, — повторяет Влад, и в его голосе нет вызова. Только усталость. — Это моя клятва. Моя женщина. Моя жизнь. Я имею право знать, есть ли выход.

— Влад... — Ксена открывает дверь, выходит из машины. — Ты не обязан...

— Обязан, — он смотрит на неё, и я вижу в его глазах боль. Такую, что у меня сжимается сердце. — Я связал тебя клятвой, Ксена. Я думал, что спасаю. А оказалось, что посадил в клетку. Если есть способ разорвать эту связь без крови... я хочу его найти.

Я смотрю на брата. На его осунувшееся лицо, на руки, сжатые в кулаки, на взгляд, полный решимости. И понимаю — он не враг. Он такой же, как я. Любит. Страдает. Ищет выход.

— Ты уверен? — спрашиваю я.

— Нет, — отвечает он честно. — Но я должен попробовать.

Мы стоим на утреннем солнце — трое. Оборотень, связав-

ший себя клятвой. Оборотень, нашедший истинную. И женщина между ними.

Ксена смотрит на Влада, потом на меня. В её глазах — благодарность и страх одновременно.

— Хорошо, — говорю я. — Поехали вместе.

Влад кивает. Не глядя на меня, подходит к своей машине, открывает дверь.

— Я поеду за вами, — говорит он. — Не хочу сидеть с вами в одной машине.

Он садится в машину, и я слышу, как заводится двигатель. Смотрю на Ксену. Она стоит между двух машин, растерянная, и я подхожу, обнимаю её.

— Всё будет хорошо, — шепчу я.

— А если нет?

— Мы справимся, — я целую её в лоб. — Я обещал.

Она кивает, садится в мою машину. Я обхожу её, сажусь за руль. Влад отъезжает и пропускает нас вперед.

Я выезжаю на дорогу, и мы трогаемся. Трое. Одна цель. И неизвестность впереди.

Я смотрю на Ксену — она смотрит в окно, на уходящий лес. Я беру её за руку, она сжимает мои пальцы.

Машина Влада неотступно следует за нами.

Глава 20.

Влад

Я веду машину и смотрю на их «Тойоту» впереди.

Азар за рулем. Ксена сидит рядом. Я не вижу их лиц, только силуэты, но мне хватает. Я чувствую её запах даже на расстоянии — он остался в салоне моей машины, на моей одежде, под моей кожей. Он преследует меня, куда бы я ни поехал.

Три года. Три года мы жили вместе, спали в одной комнате, делили еду, постель. Я знал, что она не моя истинная. Знал с самого начала. Но я думал... чёрт, я думал, что смогу сделать её счастливой. Что любовь — это не только вспышка истинной связи, а ежедневный выбор. Что если я буду заботиться, защищать, быть рядом — этого хватит.

Я ошибался.

Я всегда ошибался, когда дело касалось Ксены.

Я вспоминаю тот день, когда нашёл её в лесу. Она убегала от оборотней — от стаи бродяг, которые загнали её как зайца. Я убил двоих, разогнал остальных. Она стояла на коленях в грязи, дрожала, смотрела на меня огромными глазами, полными ужаса. И в этот момент я понял — я не могу её отпустить.

Не потому, что я герой. Не потому, что я хотел спасти мир. А потому что она смотрела на меня, и я чувствовал себя...

живым. Впервые после смерти матери. Впервые после того, как стая вышвырнула меня за то, что я отказался подчиняться альфе.

Я предложил клятву.

Это было эгоистично. Я знаю. Я мог просто помочь ей уйти, найти безопасное место, людей, которые защитят. Но я не хотел. Я хотел, чтобы она осталась со мной. Я убедил себя, что так безопаснее — клятва защитит её от любых оборотней, никто не посмеет тронуть женщину Влада. Я убедил себя, что со временем она полюбит меня. Что привычка и благодарность перерастут в нечто большее.

Они не переросли.

Она была нежна. Отзывалась на ласки. Мы занимались сексом, и я чувствовал её тело, её дыхание, её тихие стоны. Но я никогда не чувствовал того огня, о котором говорят истинные пары. Она смотрела на меня с теплом, но не с жаром. Она улыбалась, но в её глазах не было того безумия, которое я видел у других пар.

Я думал, это нормально. Думал, что в реальной жизни не бывает как в сказках. Что любовь — это тихая гавань, а не шторм.

А потом приехал Азар.

Я знал, что он чувствует, ещё до того, как он переступил порог. Я видел его взгляд, когда он впервые увидел Ксену. Зверь внутри меня взвыл — не от ревности, нет. От страха. Потому что я понял. Я понял всё в ту секунду, как он по-

смотрел на неё.

Она его истинная.

Я не хотел в это верить. Я убеждал себя, что это совпадение, что я преувеличиваю. Я уехал по делам, оставив их вдвоём, надеясь, что ничего не случится. Что Азар — мой брат, он не посмеет. Что Ксена связана клятвой, она не предаст.

Наивный дурак.

Я чувствовал это всю дорогу. Как что-то разрывается между мной и Ксеной. Как её запах меняется, становится чужим, пропитанным Азаром. Я гнал машину, превышая скорость, молясь, чтобы успеть. Чтобы предотвратить то, что уже случилось.

И когда я открыл дверь и увидел их — на диване, вполоборота друг к другу, с этим их взглядами — я понял, что опоздал. Что проиграл. Что три года моей жизни были просто отсрочкой.

Ярость накрыла меня с головой.

Я хотел убить его. Честно. Зверь внутри требовал крови — брат или нет, он посягнул на моё. На мою женщину. На мою территорию. Я вцепился в него, и мы покатались по полу, круша мебель, и я чувствовал его кровь на своих руках. Это было сладко. Это было правильно. В мире волков только сила решает, кому принадлежит самка.

Но потом она выбежала.

Она встала между нами. Она кричала, плакала, и я видел в

её глазах страх. Не перед Азаром. Передо мной. Она боялась, что я убью его.

И в этот момент я понял — я не могу. Не потому, что он мой брат. А потому что это убьёт её. Клятва связывает нас, и если она будет ненавидеть меня, мне станет больно. Я чувствую её эмоции, даже если не могу читать мысли. Её ненависть сожжёт меня заживо.

Я отпустил его.

Стоял во дворе, смотрел на звёзды, и чувствовал, как что-то умирает внутри. Моя надежда. Моя вера в то, что я могу быть счастлив. Может быть, я никогда не был достоин счастья. Может быть, клятва была моим наказанием за эгоизм.

Я уехал. Скитался по лесу всю ночь, обернувшись волком, и выл на луну. Я потерял счёт времени. А к утру понял, что не могу их бросить. Не потому, что надеюсь вернуть Ксену — я знаю, что это невозможно. А потому что эта клятва — моя ответственность. Я должен найти способ разорвать её, даже если это убьёт меня.

Я вернулся и увидел, как они выходят из дома.

Она была другой. Счастливой. Я не видел её такой за три года. Она улыбалась, глядя на Азара, и в её глазах горел тот самый огонь, которого я так ждал. Он был не для меня. Никогда не был для меня.

Я предложил поехать с ними.

Они удивились. Азар смотрел с недоверием, Ксена — с надеждой. Глупая надежда, что я смогу их благословить. Я не

благословляю. Я просто хочу знать, есть ли выход. Хочу убедиться, что моя жизнь не была бессмысленной. Что клятва, которую я дал, не станет для неё пожизненным приговором.

Но я не верю в отшельника.

Я оборотень, я знаю законы. Клятва, данная перед луной и кровью, неразрывна. Это не юридический договор, который можно расторгнуть. Это магия древняя, как сам наш род. Единственный способ разорвать её — смерть одного из связанных.

Я умру? Или она?

Я не знаю. И это самое страшное.

Я смотрю на их машину и чувствую, как зверь внутри меня скулит. Он не понимает, почему я не убил Азара. Почему я еду за ними, вместо того чтобы рвать глотки. Но человек во мне устал. Устал бороться, доказывать, надеяться.

Может быть, отшельник действительно знает что-то. Может быть, есть другой путь. А может быть, я просто ищу оправдание, чтобы остаться рядом с ней. Чтобы продлить эту пытку. Чтобы видеть её лицо, её улыбку, её счастье — пусть даже оно принадлежит не мне.

— Ты слабак, Влад, — говорю я себе вслух. — Всегда был слабаком.

Машина впереди поворачивает на просёлочную дорогу. Я следую за ней, поднимая облако пыли. Ксена смотрит в боковое зеркало — я вижу отблеск её глаз. Она боится меня. Или боится за меня? Я не знаю.

Я знаю только одно — этот путь ни к чему не приведёт. Мы будем искать отшельника неделями, месяцами, а потом вернёмся к тому же. К выбору. Кто умрёт, чтобы разорвать клятву?

Я сжимаю руль. Костяшки белеют.

Азар думает, что любовь спасёт всех. Он молодой, горячий, наивный. Он не знает, что любовь не спасает. Она убивает. Медленно, мучительно, заставляя тебя смотреть, как твоя жизнь рушится.

Я убил двух оборотней, чтобы спасти Ксену. Я связал её клятвой, чтобы защитить. Я жил с ней три года, надеясь, что она полюбит меня. А теперь я еду за ней и братом, чтобы найти мифического отшельника, который, возможно, скажет мне то, что я и так знаю.

Нет выхода.

Есть только боль, выбор и цена.

Я готов заплатить. Вопрос — сколько?

Глава 21.

Ксена

Дорога тянется бесконечной серой лентой, и я смотрю на неё, не видя. Лес по сторонам сливается в сплошную стену, небо затянуто облаками, и кажется, что весь мир сузился до этой машины, до мужчины за рулём и до той, что едет следом.

Азар молчит. Я чувствую его напряжение — пальцы сжимают руль, челюсть стиснута, взгляд устремлён вперёд. Он не смотрит в зеркало заднего вида, но я знаю — он чувствует Влада так же остро, как я. Запах, присутствие, тяжесть его машины за нашим бампером.

— Мы не можем так ехать вечно, — говорю я, чтобы нарушить тишину.

— Можем, — отвечает Азар коротко. — Пока не кончится бензин.

— Азар.

Он вздыхает, проводит рукой по лицу. Жест усталый, почти сломленный.

— Прости. Я просто... не ожидал, что он поедет с нами. Думал, мы будем вдвоём.

— Он имеет право, — тихо говорю я. — Это его клятва.

— Его клятва, — Азар усмехается, и в этой усмешке — горечь. — Он связал тебя, не спросив, хочешь ли ты. А те-

перь едет за нами, чтобы убедиться, что я не причиню тебе боль.

— Он не такой.

— Какой?

Я молчу. Потому что сама не знаю, какой Влад на самом деле. Три года рядом, а я так и не поняла. Он был нежным, заботливым, но всегда на расстоянии. Будто держал меня в стеклянной банке — тепло, светло, но не дышится полной грудью.

— Он боится, — говорю я наконец. — Как и мы.

Азар бросает на меня быстрый взгляд, потом снова смотрит на дорогу.

— Ты права, — говорит он тише. — Боится. И злится. Я чувствую его запах даже отсюда. Злость и страх. И ещё... безысходность.

— Он не верит в отшельника.

— Никто не верит, — Азар пожимает плечами. — Кроме меня. И тебя, я надеюсь.

Я кладу руку на его колено. Он накрывает мою ладонь своей, сжимает.

— Я верю тебе, — говорю я. — Не в отшельника. В тебя.

Он улыбается — той улыбкой, от которой у меня замирает сердце. Краткой, краешком губ, но настоящей.

— Этого достаточно, — шепчет он.

Мы едем дальше. Через час останавливаемся у придорожного кафе — старой деревянной постройки с покосившейся

вывеской. Азар глушит двигатель, и мы выходим из машины. Влад паркуется рядом, вылезает из своего внедорожника.

Мы стоим втроём на гравийной площадке, и воздух между нами звенит. Влад смотрит на меня — долго, тяжело. Потом переводит взгляд на Азара.

— Здесь заправка, — говорит он сухо. — И можно перекусить. Дальше сто километров без ничего.

— Знаю, — отвечает Азар. — Я бывал здесь.

— Тогда пошли.

Он разворачивается и идёт к кафе, не дожидаясь нас. Азар смотрит ему вслед, потом на меня.

— Идём? — спрашивает он.

— Идём.

Мы заходим внутрь. В кафе почти никого — только водитель дальнобойщик за дальним столиком и уставшая официантка за стойкой. Влад уже сидит у окна, глядя в меню, но я вижу — он не читает. Просто смотрит в строчки, чтобы не смотреть на нас.

Мы садимся напротив. Азар заказывает кофе и мясо, я — чай и салат. Влад берёт чёрный кофе, без сахара, и замирает с чашкой в руках.

— Ты знаешь, куда ехать? — спрашивает он, не поднимая глаз.

— Примерно, — отвечает Азар. — Последний раз отшельника видели в районе Старых Гор. Там есть заброшенная деревня. Говорят, он живёт в лесу, в старой охотничьей

избушке.

— Говорят, — Влад усмехается. — Ты веришь слухам?

— А у тебя есть другие идеи?

Влад поднимает глаза. Смотрит на брата, и в его взгляде — вызов.

— У меня есть идея, что мы тратим время.

— Тогда зачем ты поехал?

Влад молчит. Долго. Так долго, что я начинаю бояться, что он встанет и уйдёт. Но он остаётся. Ставит чашку, сжимает пальцы в замок.

— Потому что я должен, — говорит он тихо. — Потому что если есть хоть один шанс... я не имею права его упустить.

— Даже если шанс призрачный? — спрашиваю я.

Влад переводит взгляд на меня. В его глазах — боль и что-то ещё. Сожаление.

— Даже если, — отвечает он. — Я уже сделал достаточно ошибок. Не хочу добавлять к ним ещё одну.

Я смотрю на него, и впервые за эти дни я не чувствую вины. Только грусть. Грусть по тому, что мы не стали теми, кем могли бы стать. По трём годам, которые были тёплыми, но не горячими. По надежде, которая умерла, так и не родившись.

— Влад, — говорю я тихо. — Мне жаль.

— Мне тоже, — он криво усмехается. — Но жалость не поможет.

Официантка приносит заказ. Мы едим в тишине — каждый думает о своём. Я чувствую на себе взгляды обоих, и

мне становится тесно в этой маленьком кафе, под низким потолком, между двумя мужчинами, которых я люблю по-разному.

Одного — привычной, спокойной любовью, похожей на тёплое одеяло. Другого — огнём, который сжигает изнутри и заставляет дышать чаще.

После кафе мы заправляем машины. Влад подходит ко мне, когда Азар возится с бензобаком.

— Ксена, — зовёт он тихо.

Я оборачиваюсь. Он стоит в двух шагах, руки в карманах куртки, плечи напряжены.

— Ты в безопасности с ним? — спрашивает он. — Я имею в виду... он защитит тебя?

— Защитил уже, — отвечаю я. — Ты видел его раны.

— Видел. — Влад кивает. — И знаю, что он готов умереть за тебя. Это... это много значит.

— Влад, что ты хочешь сказать?

Он смотрит на меня, и в его взгляде — прощание. Не с жизнью — с надеждой.

— Я хочу сказать, что если отшельник поможет... если есть способ разорвать клятву... я согласен. На любой вариант. Даже если мне придётся заплатить.

— Влад...

— Не надо меня жалеть, — он поднимает руку, останавливая меня. — Я сам выбрал этот путь. Сам дал клятву. Сам не заметил, что ты не счастлива. Это моя вина, и я готов за

неё ответить.

Он разворачивается и уходит к своей машине. Я смотрю ему вслед, чувствуя, как ком подступает к горлу. Азар подходит сзади, обнимает за плечи.

— Что он сказал? — спрашивает он.

— Что готов заплатить любую цену.

Азар молчит. Потом целует меня в висок.

— Никто не будет платить, — говорит он твёрдо. — Мы найдём другой путь.

Я киваю, хотя внутри нет уверенности. Только страх и надежда, переплетённые в один тугой узел.

Мы едем дальше. Лес становится гуще, дорога уже — метрами всего одна колея. Влад держится позади, не обгоняет, не приближается. Я смотрю в зеркало заднего вида на его машину, и мне кажется, что это не просто автомобиль. Это его боль, его сомнения, его невысказанные слова — всё это едет за нами, тяжело давя на плечи.

— Азар, — зову я.

— М?

— А если его не существует? Отшельника?

Азар молчит. Долго. Потом берёт мою руку, подносит к губам, целует пальцы.

— Тогда мы придумаем что-то ещё, — говорит он. — Я не сдамся.

— А если клятву нельзя разорвать?

— Значит, будем жить с ней, — он смотрит на меня, и в

его глазах — сталь. — Но я не позволю ей разрушить нас. Мы найдём способ быть вместе, Ксена. Даже если придётся уйти на край света.

Я сжимаю его руку и смотрю на дорогу. Лес расступается, открывая вид на горы — далёкие, синие, затянутые дымкой. Туда, где, по слухам, живёт тот, кто знает ответы.

Или не живёт. Или не знает.

Но мы едем. Потому что другого пути нет. Потому что надежда — это единственное, что остаётся, когда теряешь всё.

В зеркале заднего вида — машина Влада. Он едет за нами, и я чувствую его взгляд даже через километры пыльной дороги. Он не верит в чудо. Но он здесь.

Может быть, это и есть чудо. Что мы трое — враги, соперники, семья — едем в одном направлении, ищем одно и то же. Не ответы. Не спасение. А возможность остаться людьми. Или волками. Или теми, кем мы должны быть.

Я закрываю глаза и слушаю, как стучат колёса по гравию. Дорога длинная. Но мы не одни. И это, наверное, самое главное.

Глава 22.

Азар

Старые Горы встречают нас серым небом и ледяным ветром.

Дорога закончилась ещё час назад — дальше только разбитая грунтовка, петляющая между соснами. Моя машина скрипит и подсакивает на каждой кочке, и я чувствую, как Ксена напрягается рядом. Она держится за ручку двери, но не жалуется.

Влад едет следом, держа дистанцию. Он не пытается обогнать, не сигналит. Просто следует за нами, как тень. Это напрягает. Я привык к его прямолинейности, к рыку и броску. Это тихое ожидание хуже любой драки.

Деревня появляется неожиданно — несколько покосившихся домов, заросших бурьяном, ржавая водонапорная башня, пустая детская площадка с качелями на одной цепи. Место мёртвое. Я чувствую это сразу — запах запустения, сырости и давно ушедших людей.

— Здесь, — говорю я, глуша двигатель.

Ксена смотрит на дома, и в её глазах — разочарование.

— Он живёт здесь?

— Говорят, в лесу за деревней. Но нужно осмотреться.

Влад паркуется рядом. Выходит, оглядывается, втягивает носом воздух. Я вижу, как его лицо меняется — он не чув-

ствует ничего. Ни запаха отшельника, ни следа волка.

— Пусто, — говорит он. — Никого не было здесь месяцами.

— Может, он в лесу, — отвечаю я, хотя сам уже не верю.

Мы обходим деревню. Дома заколочены, окна разбиты, в одном из них гнездятся птицы. Я захожу в крайнюю избу — пол провалился, печь развалена, пахнет мышами и тленом. Влад обходит другие дома, возвращается с тем же результатом.

— Никого, — говорит он. — Твои слухи — пустышка.

— Мы не всё проверили, — упрямо отвечаю я. — Лес.

— Лес большой, Азар. Мы будем искать неделю.

— Будем, если понадобится.

Влад смотрит на меня, и я вижу в его глазах усталость и раздражение. Он не верит. Он никогда не верил. Но он кивает, потому что спорить бесполезно.

— Смеркается, — говорит он. — Нужно место для ночлега. Эта изба не годится — крыша протекла.

Я оглядываюсь и замечаю дом в конце улицы — побольше, с более крепкой крышей, с верандой, не до конца заколоченной.

— Там проверим.

Дом оказывается жилым — точнее, пригодным для ночлега. Внутри чище, чем в остальных — старые хозяева оставили железную печку-буржуйку, топчан, покрытый пыльным тюфяком, даже несколько дров в углу. На стене — пожелтев-

шая икона и календарь за прошлый год.

— Здесь кто-то был, — говорит Ксена, оглядываясь. — Недавно.

Она права. Я чувствую слабый запах — человеческий, но старый. Несколько недель, может, месяц. Но не волчий.

— Охотники, — пожимаю плечами Влад. — Приходят, ночуют, уходят.

Он не смотрит на меня. Проходит к печке, начинает складывать дрова.

— Я разведу огонь. Азар, принеси воды. Там колодец во дворе.

— Я с ним, — говорит Ксена, но Влад качает головой.

— Нет. Ты останешься. Поможешь мне.

Я вижу, как она колеблется. Смотрит на меня, потом на Влада. Кивает.

Я выхожу во двор. Колодец есть — старый, сруб из почерневших брёвен, ведро на цепи. Я набираю воду, смотрю на темнеющее небо. Звёзды уже проступают, холодные, колючие. В лесу тихо — слишком тихо. Ни птиц, ни зверей. Будто всё живое ушло отсюда.

Возвращаюсь в дом. Влад уже растопил печь — железо начинает раскаляться, отбрасывая тёплый свет. Ксена сидит на топчане, поджав ноги, и смотрит на огонь.

— Есть будем? — спрашиваю я, доставая из рюкзака консервы и хлеб.

— Да, — отвечает Влад. — Перекусим и ляжем.

Ляжем. Интересно, где? Топчан один. Влад смотрит на него, потом на меня.

— Я буду спать в машине, — говорит он. — Там теплее.

— Влад, на улице холодно, — возражает Ксена.

— Я оборотень. Мне не холодно. — Он берёт банку тушёнки, открывает, ест стоя, у печки. — Вам обоим нужен отдых. Завтра рано вставать.

Он не смотрит на неё. И на меня — тоже. Просто ест, глядя в огонь, и я чувствую, как тяжело ему здесь оставаться. В одной комнате с нами. С ней. С тем, что он потерял.

— Влад, — начинаю я.

— Не надо, — обрывает он. — Я всё сказал. Утром увидимся.

Он доедает, вытирает руки о штаны, накидывает куртку. У двери задерживается на секунду, смотрит на Ксену. Долго. Потом выходит.

Дверь закрывается. Мы остаёмся вдвоём.

Печка гудит, отбрасывая пляшущие тени на стены. Ксена смотрит на меня, и в её глазах — тревога и что-то ещё. Тепло.

— Он страдает, — говорит она тихо.

— Знаю.

— Мы делаем ему больно.

— Мы не выбирали это, Ксена.

Она кивает, но я вижу — ей всё равно стыдно. Она не может избавиться от чувства вины, как бы я ни пытался её

переубедить.

Я подхожу, сажусь рядом на топчан. Беру её за руку.

— Сегодня ты спать будешь на топчане. Я на полу.

— Азар, здесь холодно.

— Мне не холодно. Оборотень.

Она слабо улыбается. Потом качает головой.

— Нет. Ложись со мной. Мне... мне нужно, чтобы ты был рядом.

Я смотрю на неё. В полумраке, при свете печки, она кажется ещё красивее — волосы золотятся, глаза блестят, губы чуть приоткрыты. Я знаю, что не должен. Что Влад в машине, что стены тонкие, что это неправильно. Но я не могу отказать.

— Хорошо, — говорю я. — Иди ложись. Я дров подброшу.

Я подкидываю в печку поленья, закрываю заслонку. Ксена уже лежит на топчане, укрывшись моей курткой. Я ложусь рядом, на спину, смотрю в потолок. Она поворачивается ко мне, кладёт голову на плечо.

— Азар, — шепчет она.

— М?

— Поцелуй меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.